

18+

Евгений Дудкин

За свободу и честь России

Историческая повесть

Евгений Дудкин

**За свободу и честь России.
Историческая повесть**

«Издательские решения»

Дудкин Е.

За свободу и честь России. Историческая повесть / Е. Дудкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672740-3

Книга рассказывает о ратных подвигах русских воинов в 18—19 веках,
полководческом искусстве великих Румянцева, Суворова, Кутузова,
Паскевича, флотоводце Ушакове.

ISBN 978-5-00-672740-3

© Дудкин Е.
© Издательские решения

Содержание

ЗА СВОБОДУ И ЧЕСТЬ РОССИИ!	6
Часть 1. СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА	7
1. ЛЮБИМАЯ ПОТЕХА КОРОЛЕЙ	7
2. В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ	9
3. ПОБЕДА ПРИ КУНЕРСДОРФЕ	16
Часть 2	21
2. КАГУЛ	24
Часть 3	32
2. АДДА	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

За свободу и честь России

Историческая повесть

Евгений Дудкин

© Евгений Дудкин, 2025

ISBN 978-5-0067-2740-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗА СВОБОДУ И ЧЕСТЬ РОССИИ!

Часть 1. СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

1. ЛЮБИМАЯ ПОТЕХА КОРОЛЕЙ

Отец Андрея Данилова – дворянин и капитан славного Преображенского полка Василий сын Иванов, успевший во время краткого отпуска из миниховой армии настрогать любимое чадо, записал его в двенадцатилетнем возрасте в сей же полк. Недоросль, получив довольно сносное домашнее образование и выдержав строгий экзамен, через два года был зачислен в гренадерскую роту капралом.

До поры до времени служба складывалась удачно, но прибывание вдали от московского дома в столичном Петербурге с его многочисленными соблазнами, да ещё в среде весьма не бедной полковой молодежи, требовало немалых финансовых затрат, чего отец молодца позволить себе не мог. За усердие скоро получив чин унтер-офицера, Андрей, по совету и протекции дальнего родственника, почитавшего его отца, с которым в армии фельдмаршала Бурхарда Миниха они вместе когда-то брали польский Данциг, участвовали в крымских походах, в 1737 году штурмовали турецкий Очаков, били османов и крымчаков под Ставучанами, в 1757 году перевёлся во 2-й Московский полк и почти сразу произведён в прапорщики.

А годом раньше в Европе уже началась очередная война – как оказалось позднее, Семилетняя. К этому времени некогда малозначительное королевство Пруссия усилиями энергичного, любимого подданными и армией Фридриха Второго превратилось в мощное государство. За счет захвата более слабых германских княжеств, австрийской Силезии и шведской Померании оно расширило свои границы и стало представлять серьезную угрозу для интересов Вены и Парижа. 200-тысячная вышколенная, высокопрофессиональная прусская армия стояла вблизи австрийских границ и была готова вновь вторгнуться в пределы огромной державы императрицы Марии-Терезии. Австрийцы засуетились и начали активно искать союзников. К изумлению современников они вначале нашли его в лице своего многовекового врага и соперника Франции, которая также была недовольна усилением Пруссии. Кроме этого, у французов был дополнительный интерес. Они, вытесняемые союзницей Фридриха Англией из Северной Америки, решили поквитаться и оккупировать немецкий Ганновер – британскую вотчину на европейском континенте.

Английскому королю Георгу V был бы очень неприятен такой сюрприз от его парижского коллеги Людовика XV и он выступил на стороне Пруссии.

Австрия же в свою очередь обрела тоже ещё одного союзника - Россию. Царице Елизавете Петровне не нравился через чур агрессивный Фридрих, да и в случае удачи было бы неплохо оттяпать часть его королевства. Почти сразу к коалиции присоединились Швеция и почти все германские государства- мелочь, опасавшиеся поглощения Пруссией. На стороне Берлина выступили лишь Англия и Португалия.

Соотношение сил складывалось явно не в пользу Пруссии, но король Фридрих уступать был не намерен. Планы союзников были ему известны, в русской армии сильного соперника он не видел, австрийцев уже бил и хорошо представлял, как это делается, с французами, по большому счету, делить было особенно нечего и в их упорство не верил. Понимая, что армии по выражению Фридриха «союза трёх баб – Марии-Терезии, Елизаветы и мадам Помпадур», имеют над ним подавляющее численное преимущество, он решает, что пока Россия и Франция только ещё собирают силы, быстро разгромить австрийцев. В августе 1756 года Фридрих Второй вторгается в Саксонию и заставляет капитулировать её армию, а весной следующего года вступает в боевые действия против австрийцев, вступает в Богемию и осаждает Прагу. При Колине король терпит серьезное поражение, но затем в Саксонии при Росбахе он расстре-

ливаает из артиллерии и добивает кавалерией Зейдлица французов, а при Лейтене сокрушает австрийцев (эта мастерская победа любителя поиграть на флейте впоследствии вызвала восторг Наполеона Бонапарта).

Пока Фридрих колотил союзников на полях Саксонии, в восточной Пруссии 30-тысячный корпус фельдмаршала Левальда противостоял 80-тысячной русской армии генерал-фельдмаршала С.Ф.Апраксина, которая тремя колоннами 21 июля 1757 года вторглась через Литву и Польшу в пределы королевства. Еще одна колонна в 20 тысяч солдат под командованием генерал-аншефа В. В. Фермора, выступив севернее из Лифляндии, почти сразу на побережье Балтийского моря взяла Мемель, создала там важную базу снабжения и затем присоединилась к войскам Апраксина на реке Прегель, где их ожидал Левальд. Назревало первое серьёзное столкновение русских и пруссаков.

2. В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Собравшись в Ковно, армия Апраксина, отягощенная огромными обозами, двинулась на запад. 16 июня она форсировала Неман и через польско-литовские земли медленно стала подвигаться к прусской границе. Поскольку по приказу Фридриха зимой у местного населения было скуплено почти все зерно, в армии Апраксина сразу обнаружилась большая нужда в хлебе и солдаты голодали. Но остались позади унылые и грязные деревни и местечки, которые уже успели пошерстить казаки. И вдруг все преобразилось – армия вступила в Пруссию. Солдаты дивились на аккуратные дома, обсаженные деревьями твёрдые дороги, множество хорошо устроенных плотин в сырых местах и доброжелательно, как ни странно, настроенных многочисленных жителей, которые врагам своего короля выносили воду и еду. От такого отношения на время присмирели даже казаки и калмыки.

Но меры предосторожности принимались. Биваки обносились рогатками, выделялись усиленные пикеты, иногда и с пушками. На одной из дней случился конфуз. Неожиданно в лагере вдруг раздался взрыв и началась суматоха, фузилеры хватили ружья и готовились палить, носились всадники, прислуга начала выкатывать орудия, готовясь отбить нападение невидимого пока неприятеля. Суэта длилась до тех пор, пока какой-то генерал, страшно ругаясь и колотя тростью по головам и плечам зазевавшихся, снося артельные котлы с похлебкой, не проехал рысью по лагерю. Причина происшедшего выяснилась много лет спустя – это были проделки будущего писателя Болотова Андрея. Из озорства и любопытства молоденький подпоручик насыпал на сковороду селитру в смеси с какой-то дрянью, поставил на костёр, она и рванула, перепугав половину вагенбурга.

2-й Московский полк князя А.А.Прозоровского из 2-й дивизии, а по численности, скорее, корпуса, генерал-поручика В. А. Лопухина участия в представлении избежал, поскольку по понтонному мосту только ещё переходил на левый берег Прегеля и расположиться на отдых не успел.

Взвод прапорщика Андрея Данилова, пропуская обозные повозки и полковую артиллерию, ожидал своей очереди. За рекой на возвышенности расстилалась широкая равнина со всех сторон окружённая густыми лесами. Левее виднелись красные черепичные крыши селения Норкиттен и дорога, идущая от него в дефиле между лесом и глубоким оврагом с ручьём Ауксин. Русские полки расходились по всей равнине и устраивали лагерь. Московцам вместе со всей дивизией предстояло занять дефиле. Левее их на высотах у деревни Зитерфельде позицию занимал авангард армии – войска саксонского генерала на русской службе Сибильского. 1-я дивизия генерала Фермора располагалась правее войск Лопухина. За ними встали 4 пехотных полка резерва армии под командованием генерал-майора Петра Румянцева. На крайний правый фланг вдоль берега Прегеля выдвинулась 3-я дивизия генерал-аншефа Ю.Ю.Бруна. Русский лагерь отделял лес еще от одной равнины, на которой и произойдет сражение с корпусом Левальда.

Точное местонахождение пруссаков пока ещё не было установлено несмотря на присутствие в армии большого количества легкой кавалерии. Казаки и гусары разведкой особенно себя не утруждали, главное внимание уделяли устройству своего быта в лагере.

Два дня прошли относительно спокойно, разве что прошёл сильный ливень. Войскам раздали провиант на трое суток, что после длительного марша было весьма кстати. Ранее солдаты набросились на впервые увиденные ими «адские яблоки» – картофель, переели с голода, страдали животами и нуждались в привычной пище.

17 августа в лагере забили тревогу. За лесом показались прусские гусары и затеялись перестрелку с казаками, татарами и калмыками. Армия стала готовиться к выходу, но пруссаки, произведя разведку боем, ускакали.

Стало известно, что Левальд совсем близко и Апраксин решил, пройдя лес, встретить его утром 19 августа на поле напротив деревни Гросс-Егерсдорф.

Ещё перед рассветом московцы в авангарде дивизии опередили войска Сибильского, миновали дефиле и встали перед высотой Удербален. Утром из тумана неожиданно показались эскадроны прусских драгун и гусар. Взгляд выделял красные лацканы на синих мундирах драгун и черные доломаны и ментики гусар.

Пока 1-я и 3-я дивизии ещё только готовились выступить из лагеря на позиции за лесом на гросс-егерсдорфской равнине, дивизия Лопухина, и в первую очередь 2-й Московский полк, уже приняла бой.

Русские толком не успели выстроиться для отражения атаки, а на них сразу переходя с аллюра уже неслись на всём скаку пруссаки. Позади них от Гросс-Егерсдорфа на высоту Удербален стала выдвигаться построенная в две длинные линии по три шеренги в каждой их пехота с батальонами огромных гренадеров на флангах. Прусскую кавалерию попытались атаковать казаки, но, устранившись, повернули назад.

Выдвинутая вперёд полковая батарея московцев открыла огонь, но почти сразу она со всеми своими четырьмя орудиями была взята черными гусарами. Канониры отбивались от них банниками, бежали к фузилерам, но немногим удалось добраться до своих.

Неожиданная и быстрая атака неприятельской кавалерии вызвала беспорядок у русских. Солдаты будто не слышали команд командиров и бестолково метались на поляне. Несколько прусских эскадронов налетели на левый фланг московцев.

Прапорщик Данилов с непривычки оробел и чуть было не побежал вместе со всеми. Но вовремя сообразил, что пока они добегут до спасительного леса пруссаки перерубят всех в капусту. Он остановился и громко крикнул:

– Ребята, становись за мной! – и повернулся лицом к пруссакам.

К прапорщику стали сбегаться солдаты и в первую очередь из его взвода. Кто-то быстро заряжал фузею, кто-то, крепче её сжимая в руках, выставлял штык вперёд. Вокруг солдаты стали сбиваться в такие же кучки: где вокруг своих офицеров, где рядом со своими более сноровистыми товарищами- нижними чинами. Барабанщики били «Сбор».

Одна за другой волны драгунов и гусар стали захлестывать московцев. Орудья длинными палашами, расстреливая в упор из пистолетов пехотинцев, кавалеристы врезались в их порядки. Но насмотревшись, как они только что рубили их товарищей- артиллеристов, фузилеры весьма ожесточились. Орудовали штыками и прикладами, успевали и стрелять. Перед фронтом московцев быстро стали вырастать кучи из поверженных всадников и лошадей. Получив отпор, прусская кавалерия свернула вправо и продолжила преследование казаков, стремясь сбросить их вместе с пехотой Сибильского в овраг.

Взвод Данилова сумел отбиться от черные гусар. Солдат здорово помяли, все были в синяках и царапинах, некоторые ранены, но, как ни странно, никто не погиб. Пострадал и прапорщик. Первый же гусар лошадью сразу сбил его с ног и был готов зарубить, но чей-то штык сбросил его на землю. Едва Андрей успел подняться, как налетел второй пруссак. Запомнились вздёнутые вверх знатные рыжие усищи, а на гусарском колпаке вольготно развалившийся человеческий скелет с косой. Пруссак заметил серебряную бляху на груди Данилова и решил разделаться с офицером. Вертясь вокруг, он своей гнедой оттеснил в стороны фузилеров и, пригибаясь к шее лошади, стал рубить. Свет Андрею показался в копеечку, но он успевал отбивать сабельные удары, а потом, когда силы начали его оставлять, извернулся и поддел гусара штыком в бок.

Бой шёл уже левее. Русская пехота расступилась, пропустила казаков за спину, вновь сомкнулась и встретила пруссаков ружейным огнём. Стоявшая на пригорке 20-орудийная бата-

рея довершила разгром прусской кавалерии. Прорвавшихся в тыл гусар и драгун перекололи штыками.

Дивизию Лопухина начала обстреливать неприятельская артиллерия, которая появилась у Удербалена. Ответить пока было особенно нечем и пришлось стоя на месте только молиться, чтобы ядро пролетело мимо.

К москвцам, выбравшись из скопища повозок, из дефиле в поле один за другим стали выходить и строиться в тылу и на флангах Выборгский, Щлиссельбургский, Киевский, Нарвский фузилерные и 2-й гренадерский полки, выдвинулась артиллерия и к пруссакам полетели чугунные ядра. Оказалось, что эти полки так и не дождавшись приказа от Апраксина, разметав мешавший проходу обоз, сами двинулись выручать москвцев. Подкрепления пришли вовремя. Несмотря на меткий огонь шуваловских «единорогов» в атаку быстрым мерным шагом, на ходу заряжая ружья, вперёд двинулась прусская пехота. Сквозь грохот артиллерии пробивались треск барабанов и визг флейт. На солнце блестели медью шапки гренадеров, развевались тяжелые полотнища знамен с разноцветными диагональными крестами и черным орлом посередине, как заводные печатали шаг своими ногами, одетыми в белые штіблеты, грозные пехотинцы Фридриха Второго.

Вдруг их шеренги остановились и дали залп. Стреляли плутонгами. С одного фланга линии на другой пробежал оранжевый всплеск огня. Когда дым рассеялся, оказалось, что никакого вреда русским он не причинил – недолёт. Через сто шагов остановка и новый залп. Снова недолёт!

Пруссаков уже стала косить картечь и они ускорили шаг. И сразу нарвались на град пуль, выпущенных русскими. Сумели ответить и уже почти бегом сквозь клубы порохового дыма ринулись вперёд. Новый залп русских заставил остановиться, а затем и отпрянуть назад.

Завязался классический бой того времени – расстрел друг друга с места на расстоянии сотни шагов. В переднюю линию пруссаков из второй вместо выбывших из строя постоянно подходили подкрепления. Бойня продолжалась четверть часа, после чего пруссаки снова бросились вперёд. Но оказалось, что русские вовсе не такие увальни и трусы, какими их представляли командиры! В рукопашной пруссаки были отброшены.

Но храбрости и упорства им было не занимать. Для пушей бодрости подгоняемые палками капралов, они перестроились и вновь атаковали. Русские мужички в зелёных кафтанах тоже разохотились и, уже расстреляв почти все патроны, приняли пруссаков в штыки, не разбирая кто перед ними – обычные пехотинцы или дюжие гренадеры.

Но постепенно стали сказываться выучка и боевой опыт немцев, да и больше их сейчас было, и они стали теснить русских к лесу. В бою получил смертельное ранение командир дивизии князь Лопухин – сразу три пули попали в него. Его окружили и потащили в плен. Уважаемого солдатами генерала отбили русские гренадеры, но Лопухин не дожид до конца сражения.

Отступив на левом фланге к лесу русские все-таки устояли и сдержали неприятеля, а получив поддержку ещё нескольких полков, отбросили пруссаков к Удербалену. На этом участке сражение затихло, перестрелку вела только артиллерия. Зато бой переместился в центр и на правый фланг. Броун с пехотой и регулярной конницей, хотя и с трудом, атаки прусских кирасиров и драгун отбил, а вот в центре дела обстояли намного хуже.

Прусская кавалерия и пехота теперь вновь яростно атаковали бригаду генерал-майора А. Н. Вильбуа из дивизии Лопухина, а также часть войск Фермора, с трудом продравшихся сквозь лесную чащу и только вышедших на поле. Русские полки расстроились, перемешались, боевой порядок выстроить не успели и сразу перед собой увидели рвущегося на них врага. Солдаты и офицеры растерялись и попятились назад. Больше половины русской армии ещё находилась в лагере и не успевала к месту боя. Пруссаки воспользовались своим временным численным преимуществом и ломали со всей силой. Когда, не выдержав бешеного напора, русские стали беспорядочно отступать, а центр позиции был прорван и, казалось, что грядёт

тяжкое поражение, генерал Румянцев со своими четырьмя полками пехоты бросился спасать положение. Удар во фланг и тыл потряс расположение противника. Мощной штыковой атакой его линии были смяты.

Пруссаки уже торжествовали победу и вдруг перед собой увидели десять тысяч свежего войска во главе с решительным командиром. Это было уже через чур! После мощной штыковой атаки русских пруссаки дрогнули, в их шеренгах образовались бреши и они начали отступать по всему фронту сначала к горящему Гросс-Егерсдорфу, а затем и дальше к реке Алле. Сначала отходили медленно, а потом, бросая артиллерию, побежали.

Русские их почти не преследовали. Сказалась усталость и пережитое напряжение 5- часового боя с сильным противником. Да и главнокомандующий Апраксин решил не испытывать судьбу и ограничиться достигнутым.

Левальд потерял свыше 4 тысяч солдат и 29 орудий. Казавшаяся такой близкой победа обернулась для пруссаков серьезным поражением. Они отступили за реку Алле к городу Велау и стали строить укрепления. Дорога в столицу восточной Пруссии – Кенигсберг, для русских была открыта. Хотя Апраксин в сражении людей потерял на треть больше пруссаков, его армия попрежнему имела солидное численное преимущество перед противником и очень быстро сумела бы захватить Кенигсберг. Но к изумлению не только русских, но и самих пруссаков, пассивно простояв перед Велау несколько дней, 27 августа Апраксин вдруг приказал армии возвращаться в Россию. Осмелевший Левальд преследовал её вплоть до Немана. За это отступление голодной, фактически лишенной после сражения боеприпасов русской армии, Апраксин был отстранён от командования, привлечён к суду, но умер, избежав разбирательства. Справедливый, любимый простыми солдатами, сберегший свою армию, фельдмаршал стал жертвой придворных интриг.

Несмотря на серьезные недостатки – безобразное ведение разведки, некоторые неудачные распоряжения командующего, русская армия, хотя больше её половины в сражении при Гросс-Егерсдорфе простояла в своём лагере без дела, в итоге сумела переломить ход сражения и одержала блестящую победу над войсками одной из лучших европейских армий.

Отступать всегда тоскливо, особенно, после одержанной победы. Солдаты с самого начала компании не понимали, зачем эта война. Говорили, что, мол, король прусский при всём честном народе без причины ругал самыми позорными словами матушку-царицу, смеялся над её женской слабостью, вон она и повелела своему войску наказать бесстыдника. Теперь, когда немцу рога малость обломали, государыня успокоилась и на зиму решила армию вернуть домой. А дальше видно будет.

Конечно, дело солдатское, приказали – выполняй без разговоров. Но, все-таки, было досадно, что только из-за бабьей обиды столько народа положили, баталию выиграли, а теперь голодные и холодные в свои края поспешают, да так, что только пятки сверкают. Казаки и нехристи за поход всю округу обчистили, обывателей люто обижали и теперь они мстят – из-за каждого угла стреляют, хватают и убивают отставших. Некто Экерт, лесник, собрав разномастный отряд, не давал спуска казакам и калмыкам. Да ещё и Ганс фон Левальд сзади пинками поддаёт.

Взвод Данилова в сражении не потеряв ни одного убитого, во время отступления уполовинился. Один за другим солдаты из-за нагрянувшей эпидемии тифа попадали в лазарет, откуда назад вернулись единицы. Лекарь сбился с ног, но не было ни лекарств, ни даже укуса.

Потеряв тысячи умерших от болезней, русская армия дошла до Тильзита, там не удержалась, по наскоро возведённым мостам перешла Неман и направилась в Мемель. Там армия разделилась – Фермор с частью войск остался в городе, а остальные ушли в Курляндию на зимние квартиры.

Пруссаки на всю Европу трезвонили о зверствах русских варваров, забывая о своих в Саксонии. Представляли сражение при Гросс-Егерсдорфе досадным и ничего не значащим эпизодом в победоносной войне.

«Старик Фриц» решил, что после столь несчастливо для русских завершившейся компании они более не посмеют снова вторгнуться в его королевство и отозвал из восточной Пруссии Левальда с почти всеми войсками, которым предстояло выгнать из Померании шведов.

Новый главнокомандующий русской армии Фермор по приказу сидевшей в Петербурге Конференции (как бы, Генерального штаба) в начале января наступившего 1758 года вернулся и быстро занял всю восточную Пруссию, без сопротивления взял Кенигсберг и стал приводить население к присяге русской государыне. Прежнего разбоя не происходило, жители королевства не возмущались и покорно присягали.

Летом армия Фермора не спеша двинулась на запад. Несмотря на протесты польского короля она заняла польские Эльблонг и Торн, форсировала Варту, в начале августа вошла в отчину Фридриха -Бранденбург и осадила почти неприступную, окружённую с трёх сторон водами Одера и Варты, а с четвёртой, восточной – болотами, крепость Кюстрин. После неё должен был наступить черёд Франкфурта-на-Одере и дальше наступление на столицу королевства – Берлин. 2-я дивизия под командованием генерала Румянцева, в которой среди прочих находился и 2-й Московский полк, севернее захватила город на Одере Шведт и по приказу главнокомандующего зачем-то в отрыве от главной армии должна была удерживать его. Видимо, опасались нападения на северный фланг со стороны Померании.

Фридрих всерьёз забеспокоился и из Силезии быстрым маршем двинулся к осаждённому Кюстрину, призывая его гарнизон ни в коем случае не капитулировать. По дороге к нему присоединился корпус графа Доны. Армия в 33 тысячи солдат при 120—140 орудиях 23 августа форсировала Одер между Шведтом и Кюстрином и двинулась навстречу с армией Фермора.

В 11 верстах к северо-востоку от Кюстрина русские заняли довольно удобную позицию за ручьём Митцель на крутой перед фронтом возвышенности и стали поджидать пруссаков. Фридрих Второй, оценив положение, 14 августа обошёл русских с их правого фланга, вышел к ним в тыл и атаковал от деревни Цорндорф. Русские успели развернуть фронт к неприятелю, но утратили все выгоды своего прежнего расположения. Королю было известно, что правый фланг русских занимали полки недавно сформированного Обсервационного корпуса Шувалова и направил главный удар по ним. К удивлению, необстрелянные русские солдаты, выдержав жестокий двухчасовой обстрел неприятельской артиллерии с господствующих цорндорфских высот, затем достойно встретили грозную пехоту врага, перешли в контратаку и погнали пруссаков. Офицеры не могли остановить бегущих, сам король принялся увещевать своих солдат. Положение спас генерал Зейдлиц- его 71 эскадрон отличной кавалерии остановил русских.

Но с левого фланга началась атака дивизии Броуна. Русская кавалерия и пехота отбросили пруссаков. Большие потери им наносили залпы «шуваловских единорогов». Но нашим солдатам на беду попались бочки с вином. Естественно, не обращая внимания на командиров, перепились и полегли под палашами прусских кирасиров и драгун. Избиение прекратилось лишь после блестящей атаки русской тяжелой кавалерии.

Остальные, оставшиеся на время без исчезнувшего с поля боя Фермора (вроде бы, был контужен в ногу и уехал в тыл), потерявшие многих офицеров, встали стеной и дрались до последнего. Фридрих назвал их «самыми свирепыми солдатами».

Повторной атакой Зейдлиц смог почти полностью уничтожить Обсервационный корпус, сбить с позиции всю первую линию русских, но вторая стояла твёрдо и отбила наступление пруссаков. Особенно отличились 1-й и 3-й гренадерские полки.

После полудня утомленные боем пехота и кавалерия противников активные действия прекратили. Стреляла только артиллерия. Русские устояли, хотя и из 45 тысяч человек поте-

ряли половину. Пруссаки потеряли 12 тысяч и победу в сражении приписали себе, хотя на второй день биться, в отличие от русских, были уже не в состоянии.

Фридрих, крайне озабоченный результатами сражения и, особенно, стойкостью русских солдат, отвёл свою армию к Кюстрину, а мимо, на виду его войск с достоинством и никем не потревоженная на север к прусскому Старгарду прошла армия Фермора. Затем она отступила к Лансбергу, а осенью – в Польшу, где и пребывала до конца года. Король же, оставив Кюстрин, двинулся в Силезию для продолжения военных действий против австрийцев.

2-й Московский полк зимой квартировал в польском Эльбинге. Во время отхода армии из Пруссии пехотная бригада генерал-майора Пальменбаха из дивизия Петра Румянцева получила приказ Фермора повернуть на север и взять мощную крепость на берегу Балтийского моря Кольберг. Бригада, куда входили и москвичи, в составе четырёх полков подошла к городу и стала готовиться к штурму. Хотя сам гарнизон крепости был невелик, полторы сотни орудий на её стенах представляли серьезную угрозу для русских и сразу идти на штурм Пальменбах не решился. Да, честно сказать, и большого желания атаковать у генерала не было. Полтора месяца бригада протопталась у Кольберга, а после известия о приближении 10-тысячного отряда пруссаков, снялась с места и спокойно ушла за Вислу на зимние квартиры.

В Эльбинге Московский полк, насчитывавший к этому времени всего 1.100 человек, получил небольшое пополнение. Новый командир полковник Карл Шиллинг, сменивший раненого при Гросс-Егерсдорфе Прозоровского, после похода с немецкой добросовестностью принялся приводить полк в порядок. Прежде всего была укреплена дисциплина, проводилось обучение как новобранцев, так и старослужащих, что последним, конечно, не очень пришлось по вкусу. Но на зиму по приказу Фермора солдаты получили по три смены белья, по паре новых сапогов и башмаков, шерстяные чулки и перчатки, овчинную или стёганную душегрейку (тот самый ватник!), в которой тепло было на посту. В артельных котлах каждый день варилось мясо, не было недостатка в свежем хлебе – мололи зерно в ручных жерновах, которые по два были выданы на каждую роту. Шиллинг добился поставок в полк всего положенного и солдаты были довольны.

Данилов с ещё двумя молодыми офицерами занимали тёплый флигель в доме зажиточного еврея, хозяина рыбной лавки, которая примыкала к дому. Почти каждый день к дому подъезжали возы с рыбой и шли долгие препирательства с рыбаками- поляками о цене балтийской селедки, вислинских щук и судаков. Изо дня в день цены оставались прежними, но разговоров и гвалта все равно было достаточно. Сбыв товар, рыбаки уходили в шинок на другой стороне улицы, пили «гданскую» и ругали неуступчивого торговца.

Вначале запах рыбы, казалось, пропитавший весь дом, вызывал отвращение, но скоро офицеры привыкли и перестали обращать на него внимания. Тем более, что дворовый человек Данилова – Сенька, за пару копеек покупал у хозяина аршинного судака и готовил восхитительный обед – уху, заливное или студень, чем доставлял большое удовольствие и получал похвалу всей компании. Иногда сама хозяйка баловала офицеров форшмаком из слабосоленой селедки, картошки, лука и тертого яблока. Форшмак идеально подходил в качестве закуски и шёл «на ура».

Перед Крещением Данилов получил посланное батюшкой с оказией письмо. В нем тот сообщал, что ему известно о подвигах армии и высказывал уверенность, что его отрок не посрамит их честной фамилии. С благословением, приветами от родных и, особенно, от семейства Курятниковых, в письме сообщалось, что год выдался неурожайным и несколько мужиков, как донёс староста, между собой сговаривались сбежать на Дон. Пришлось всыпать батоков, но и открыть амбар для малоимущих.

В пакете кроме письма Андрей нашёл десять золотых «империалов». Эта сотня рублей были весьма ощутимой прибавкой к невеликому жалованию прапорщика. За целковый

можно было купить пуд хлеба, или ведро водки, или бутылку шампанского, а за два-три червонца – крепостного крестьянина. Надежный человек – новый батальонный лекарь, доставивший пакет, передал ещё один приятный подарок от родителя – туюсок с пятью фунтами липового мёда, который Андрей любил с детства.

В феврале прибыли две полупудовые дополнительные гаубицы и число орудий в полку увеличилось до шести. Из фузилеров отобрали 30 человек и за городом артиллеристы стали их обучать обхождению с этими бронзовыми чудовищами с двумя единорогами вместо обычных скоб на стволе.

Через месяц Шиллинг вывел полк в поле и до позднего вечера пехота месила таявший снег, строила шеренги и колонны, городила рогатки против конницы, ходила в атаку, стреляла, «колола» штыком. Рядом бывшие фузилеры уже довольно ловко управлялись с орудиями, почти не робея посылали в цель ядра, гранаты и картечь.

Пороха сожгли немало, за что полковнику из дивизии выразили неудовольствие. Провиантмейстер, кстати, тоже немец, которого Шиллинг посадил под арест за неисполнение своего приказа и грозил открыть разбирательство о казнокрадстве, съездил в штаб и донёс на командира полка. Пришлось тому ехать и объясняться. Когда стали искать провиантмейстера, оказалось, что того и след простыл.

3. ПОБЕДА ПРИ КУНЕРСДОРФЕ

Весной 1759 года в центральной Европе вновь начались активные боевые действия. К этому времени войска антипрусской коалиции насчитывали почти полмиллиона солдат и превосходили противника в численности почти в два раза. Несмотря на это, пруссаки успешно действовали в Саксонии и Богемии против австрийцев, спокойно сдерживали в Померании неторопливых шведов и лишь принц Фердинанд Брауншвейгский на западных границах королевства у городка Берген под Франкфуртом-на-Майне наконец-то потерпел поражение от до этого неудачно действовавших французов. На востоке хаотично маневрировал генерал Дона, стремясь предугадать планы русских и занять выгодные позиции, чтобы не допустить их вторжения в Брауншвейг, соединения с австрийцами и одновременно отрезать от тыловых баз. Задача перед Доной стояла сложная, но король обещал ему при необходимости свою немедленную поддержку.

В апреле русская армия снялась с зимних квартир и по проторённой дорожке двинулась к Одеру на соединение с австрийским корпусом Дауна. В конце июня уже в походе она получила нового главнокомандующего – фельдмаршала графа Петра Семёновича Салтыкова. Фермор был вновь назначен командиром 1-й дивизии, куда среди прочих входил 2-й Московский полк.

В отличие от своих предшественников Салтыков придавал большое значение ведению разведки, несмотря на солидный возраст, сам часто бывал на рекогносцировках, его часто видели в авангардных частях. Легкая кавалерия, казаки и гусары, постоянно находились в поиске. Для фельдмаршала не было секретом расположение войск неприятеля.

Дона осторожничал и не смог воспрепятствовать вступлению русской армии в Брауншвейг, за что разгневанным королем был изгнан со своего поста. Его заменил генерал Карл фон Ведель, который сразу решил атаковать Салтыкова. Располагая 27,5 тысячами солдат с полусотней тяжелых орудий, Ведель устремился к деревне Пальциг, чтобы занять там господствующие высоты и на удобной позиции встретить русских. Но оказалось, что эти высоты уже заняты войсками Салтыкова. Мало того, чтобы добраться до русских Ведалю предстояло ещё форсировать заболоченный ручей Эйхемюлен перебраться через который можно было только в трех местах – по мосту у Гейдемюле и Никерна, и вброд у Эйхемюле. Добрый старичок, «сухая курочка» – граф Пётр Семёнович Салтыков оказался совсем не так прост, как казалось пруссакам. Свою 52-тысячную армию при 188 тяжелых орудиях он расположил в две линии на высотах восточнее Пальцига. Пехота Фермора, Голицына и Вильбуа построилась в центре. Шесть мощных батарей, которые простреливали все пространство перед позицией, были выставлены по фронту впереди пехоты. Ещё одна батарея расположилась на холме между первой и второй линией армии. На флангах разместились кирасиры, казаки и конно-гренадеры Панина, кирасиры и драгуны Еропкина, гусары Демику, казаки и гусары Тотлебена. Казаки заблаговременно уничтожили мост у Никерна на слабом русском левом фланге и тем самым значительно затруднили здесь действия пруссаков. Позиция русских была практически неприступной. Но Ведель днём 12 июля начал атаку.

2-й Московский полк стоял на правом фланге дивизии Фермора и прикрывал одну из русских батарей. С холма можно было рассмотреть, как у горящего Никерна завязалась перестрелка, пруссаки сунулись было перейти ручей вброд, но вода доходила до плеч, ноги вязли в иле, ядра, пули и картечь сыпались градом и они повернули назад. Попытка прусской конницы охватить здесь же левый фланг русских также была отбита.

В центре после артиллерийской подготовки в атаку свои войска повёл сам Ведель, но попал под такой огонь, что его солдаты не смогли даже дойти до русских позиций.

Несколько пехотных полков были просто рассеяны и перестали существовать. Множество офицеров были убиты или ранены, тяжелое ранение получил генерал Мантейфель.

На помощь к Веделю бросился со своей кавалерией генерал Воберснот. Этот храбрец через заросшее кустарником болото увлек за собой своих кирасиров и драгун, вместе с четырьмя пехотными полками атаковал правый фланг русских, прорвал первую линию русской пехоты (Владимирский мушкетерский полк), но попал под сокрушительный огонь стоявшей на холме батареи. Генерал был убит среди первых, а его кавалеристов атаковали кирасиры и конно-гренадеры Еропкина, а также полк Демику. В сече погиб Демику, но пруссаки были остановлены. Владимирцы собрались и стрельбой залпами стали опустошать ряды конницы Воберснова и пехоты Веделя.

Одновременно пруссаков атаковали кавалерия Панина, 2-й Московский и Пермский мушкетерские полки.

Московцы, полдня стоявшие за невысокой горкой во второй линии в прикрытии крайней правофланговой батареи, увидели прорвавшихся пруссаков, быстро развернули полковые орудия и неожиданно для них открыли огонь. Пруссаки замялись, вдобавок попали под сильный ружейный огонь и начали пятиться назад. Их били со всех сторон – рубила кавалерия Панина, стреляла пехота Фермора, широкие дороги в рядах прокладывала артиллерия. Мужество оказалось не безграничным и пруссаки в панике бросились бежать с поля боя. Их почти не преследовали. Русские затеяли благодарственный молебен и было не до пруссаков.

Потеряв 7—10 тысяч солдат, армия Веделя через несколько дней соединилась с войсками Фридриха Второго, решившего взять дела на Одере в свои руки и наконец разделаться с русскими.

Армия Салтыкова потеряла почти вдвое меньше, взяла богатые трофеи, а главное проявила стойкость и хорошую организованность. Разумные и своевременные распоряжения русского главнокомандующего не оставляли пруссакам никаких шансов на успех.

В последних числах июля союзная 64-тысячная русско-австрийская армия под командованием графа Салтыкова стояла лагерем в нескольких верстах восточнее Франкфурта-на-Одере и ждала подхода резервного австрийского корпуса генерала Гаддика. Не дождалась. Вместо него явился король Фридрих, который с 48 тысячами солдат совершил быстрый марш, 31 июля моментально переправился через Одер и неожиданно предстал перед союзниками. Зная о неравенстве сил и понимая, что может погибнуть во время битвы, Фридрих направил в Берлин письмо с завещанием о наследовании престола одним из принцев. Но, вместе с тем, король продолжал верить в удачу. С ним были его лучшие войска, славные генералы Зейдлиц и Финк. Он отлично помнил, как уступая в числе французам и цесарцам при Росбахе, наголову разгромил их объединённую армию, убив, ранив и взяв в плен 17 тысяч врагов, и потеряв лишь 500 своих солдат и офицеров. Подошло время для решительного сражения, в котором он должен попытаться выбить русских с немецкой земли и прогнать их в Польшу.

Главный удар Фридрих решил нанести по левому, наиболее удобному для атаки, флангу союзников. Нападение производилось, не по фронту, куда были развёрнуты орудия русских батарей, а в тыл и под крыло этому самому левому флангу. Здесь, на Мельничной горе (Мюльберг), позиции занимали войска князя А.М.Голицына. На них Фридрих и решил навалиться основными силами. Остальные войска союзников со своей кавалерией должен был сковать Зейдлиц, где напротив деревни Кунерсдорф в центре, на Большой островерхой горе (Гросс-шпицберг) стояла дивизия Румянцева, а правый фланг на Еврейской горе (Юденберг) занимала дивизия генерала Фермора и авангард армии – отряд Вильбуа. За дивизиями Фермора и Румянцева расположились 18,5 тысяч австрийцев опытного, но очень уж осторожного фельд-маршала Лаудона, которые 23 июля присоединились к 45-тысячной русской армии Салтыкова.

Весь день перед сражением солдаты 2-го Московского полка рыли окопы и рвы, рубили засеки, против вражеской кавалерии устраивали волчьи ямы, помогали артиллеристам уста-

навливать орудия. Рота Данилова, произведённого за геройство в Гросс-Егерской баталии в поручики, вылила сосны и березы, тесаками рубила кустарник перед батареей, очищая сектор обстрела. Ветки носили на горку и из них вязали туры, которые тут же наполняли землёй и устанавливали на позициях для защиты от вражеского огня. Солдаты сняли мундиры и работали в нательных рубахах. Амуниция и оружие остались наверху. Из леса, раскинувшегося у подножья горы, выехали несколько чугуевских казаков и направились к москвцам.

– Сворачивай работу, ребята, – ещё не доехав до них крикнул бородатый станичник.

– Что так? – поинтересовался Данилов.

– Пруссаки прет, Ваше благородие. Мы час назад за лесом их разъезды видели. Кажется, гусары были.

– Что ты городишь, борода? – рассердился подошедший командир батальона. – Не просох ещё? Пруссаки за рекой и носа своего показать остерегаются.

Майор не успел договорить, как хлопнули несколько выстрелов и из-за деревьев вылетели полтора десятка прусских гусар.

С горы их заметили раньше и наперерез к ним уже скакали русские драгуны. Пруссаки, не принимая боя, развернули коней и скрылись в лесной чаще.

На следующий день ранним утром 1 августа 1759 года прусские войска показали ввиду армии Салтыкова. Фридрих решил создать на одном участке подавляющее преимущество и затем последовательно одну за другой разгромить дивизии противника. Пруссаки быстро установили три большие батареи против войск Голицына, открыли мощный огонь и в 11 часов пошли в атаку. Миновав виноградники, они с разных сторон нанесли несколько последовательных ударов конницей и пехотой. Русские все-таки успели развернуть орудия против противника и встретили пруссаков огнём, но те упорно шли вперёд. Восемь батальонов прусских гренадер воспользовались на склоне Мюльберга «мертвой зоной» для орудийного огня, быстро поднялись наверх холма и ворвались в укрепления русских. С тыла русские позиции и вагенбург армии атаковала кавалерия Финка.

Страшный артиллерийский огонь, грозные шеренги прусских гренадеров, разбитые и замолчавшие свои батареи внесли в ряды защитников Мюльберга сумятицу и панику. Пруссаки захватили до сотни орудий и взяли пять тысяч пленных. Русские потеряли Мюльберг. Не помогли и двинутые на помощь Голицыну резервные полки Панина. Предвкушая победу, Фридрих уже отправил в Берлин депешу о разгроме русских. Салтыков на какой-то момент растерялся, вместо того, чтобы руководить войсками, начал усердно молиться. Может быть, молитва или стойкость войск и распорядительность Румянцева, а, скорее, все вместе помогли преодолеть кризис.

Наступил черёд Большого Шпицберга, отделенного от Мюльберга глубоким и широким оврагом Кунгрунд. Несмотря на потери и усталость своих войск, Фридрих отдаёт приказ атаковать дивизию Румянцева. Большая русская батарея, устроенная на холме, буквально опустошает атакующие колонны прусской пехоты, но ей все-таки удалось подняться на плато. Начинается ожесточенный рукопашный бой буквально за каждую пядь уже обильно политой кровью земли.

С фронта от Кунерсдорфа на Шпицберг двинулась кавалерия Зейдлица. Но вновь отличились русские артиллеристы. Орудия били не только со Шпица, но и с Юденберга. Прусская конница не выдержала огня и остановилась. В этот момент её атаковала русская и австрийская кавалерия. Русские кирасиры и венгерские гусары врезались в поредевшие шеренги пруссаков и отбросили их к лесу и кунерсдорфским прудам. Зейдлиц был тяжело ранен и его расстроенные полки начали беспорядочно отступать. У деревни они укрылись за своей пехотой.

А в это время дивизия Румянцева почти очистила вершину холма и одну за другой отбивала волны поднимавшейся из оврага прусской пехоты. Сплошную массу пруссаков на дне оврага и на спуске с Мюльберга уничтожали единороги генерала Бороздина и атаковала

Австрийская конница. Поддержать Румянцева Салтыков приказал 2- Московскому, 1-му гренадерскому и Азовскому мушкетерскому полкам. Московцы с гренадерами и азовцами с правого фланга бегом бросились выручать своих на Шпицберге. Их встретил сам Румянцев. На коне в окружении нескольких офицеров и ординарцев Петр Александрович приподнялся на стременах и, указав на пруссаков, крикнул:

– В штыки их, ребята!

К этому моменту пруссакам из последних сил все же удалось зацепиться за край плато и они стремились расширить этот плацдарм. И очень им хотелось взять русскую батарею. От Кунерсдорфа вновь в атаку пошла прусская кавалерия, но была перехвачена Каргопольским и Санкт-Петербургским конно-гренадерскими полками, остановлена и обращена в бегство.

Московцы сразу ворвались в свалку, взяли назад несколько уже захваченных пруссаками гаубиц, помогли отбиться подуставшим петербургским мушкетерам и смели батальон неприятельских гренадер в овраг. Особенно усердствовала рота Данилова. Пространство вокруг неё расчищалось как-будто само собой. Сам поручик бесстрашно бился с огромными гренадерами, уворачиваясь от штыков, колол их шпагой. А потом со своими мушкетерами первым бросился в овраг на толпу скопившихся там пруссаков. Показалось, что этот бросок переломил ход сражения – пруссаки начали отступать. Их выбили из Кунгрунда, а затем и с Мюльберга. Положение попытались спасти прусские лейб- кирасиры, которые бросились на московцев, но сами были атакованы чугуевскими казаками и полностью перебиты, а их командир пленён. Все штандарты кирасир достались казакам.

Московцы гнали пруссаков по склону Мюльберга к Кунерсдорфу. Около прудов под огромным дубом заметили небольшую группу прусских командиров, окружённых конвоем гусар и рослых лейб-гренадер. Мелькнула фигура старика в чёрной треуголке и простом синем камзоле, со звездой ордена Чёрного орла на груди – король Фридрих! Бросились туда, но конвой встал стеной. Данилов приложился к ружью, захваченного на Мюльберге и выстрелил. Шляпа, пробитая пулей, слетела с седой головы Фридриха. Кто-то из офицеров свиты схватил под узды лошадь короля и вывез его из боя. Продырявленную пулей шляпу после сражения преподнесли Салтыкову как трофей (сейчас она является экспонатом в Музее А. В. Суворова в Питере).

Союзная армия везде перешла в наступление. Пруссаки, бросая оружие, свои и трофейные пушки, обратились в бегство. Под Фридрихом были убиты две лошади, его жизнь спасла золотая готовальня, о которую сплюснулась пуля, летевшая в сердце. Раздавленного горем бегущего короля сопровождали лишь несколько офицеров – блестящая свита рассеялась. Армия Фридриха Второго была полностью разгромлена, такого поражения она ещё не испытывала. Она потеряла 25,5 тысяч солдат и офицеров, 7 генералов, 250 орудий, 27 знамён и два штандарта. Потери армии Салтыкова составили 16,5 тысяч человек, из них 2.300 австрийцев. Русские ясно показали, что располагают одной из самых лучших армий в Европе с прекрасной артиллерией, стойкими солдатами, грамотными и мужественными офицерами, которые в горячке боя напрочь забыли о своём дворянском происхождении и наряду с подчиненными, простыми мужиками в зелёных мундирах, храбро сражались в первых рядах. 566 русских офицеров пролили свою кровь в битве при Кунерсдорфе. Среди них был и Андрей Данилов, получивший несколько легких ранений в кунгрундском овраге. В горячке боя он их почти не заметил, но после того, как выстрелом из ружья «снял» шляпу с прусского короля, туман поплыл перед глазами и поручик медленно осел на землю. Мимо промчались австрийские драгуны, преследовавшие пруссаков и если бы не свои мушкетеры, буквально выхватившие Данилова из-под копыт этого табуна, лежать бы ему в германской земле. Но, Бог миловал!

Ещё раз Андрею пришлось сразиться с пруссаками под началом генерал-поручика графа З.Г.Чернышева на следующий год. 28 сентября 1760 года корпус генерала, куда входили и московцы, вместе с отрядом генерала Тотлебена, после суточной бомбардировки взял столицу

прусского королевства – Берлин. Ничего хорошего горожане не ждали, отлично знали негласные правила тех войн, когда враг брал город на штык, и поэтому, чтобы откупиться, магистрат быстро собрал полтора миллиона талеров контрибуции и ещё двести тысяч на содержание русских войск. Деньги были получены, содержание роздано, оружейные и пороховые заводы уничтожены, арсеналы опустошены и 1 октября при приближении королевской армии корпус оставил Берлин. Безобразий допущено не было. Но, если и были почищены некоторые трактиры и лавки, покудахтали расчетливые немочки, так это по взаимному согласию. А то, как же?

Ровно через год корпус Чернышева совместно с австрийскими войсками Лаудона взял сильную крепость Швейдниц в Силезии. В ночном штурме москвичи вместе с русскими гренадерами первыми преодолели ров, взяли вал и ворвались в город. Три часа кровопролитного рукопашного боя внутри крепости запомнились Данилову надолго.

25 декабря 1761 года скончалась государыня Елизавета Петровна. На престол вступил её племянник, почитатель Фридриха Второго – Петр III, который тут же заключил союз с Пруссией против австрийцев. Фридрих был счастлив такому неожиданному обороту дела. Правда, насколько оно было неожиданным стоит под вопросом. Пруссаками явно велась какая-то игра с наследником Елизаветы.

Чтобы ещё более потрафить своему кумиру, русский император переименовал 2-й Московский полк в «Королевско-Прусский» и предложил Фридриху стать его шефом.

Абсурд продолжался недолго. Когда Петр вдруг решил воевать с Данией, братья Орловы устранили чудака и посадили на трон его жену и свою пассию Екатерину Алексеевну – урожденную Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую, 22 сентября 1762 года коронованную как Императрица и Самодержица Всероссийская.

Россия вышла из бесполезной войны и несмотря на недовольство союзников, прежде всего Франции, объявила о своём нейтралитете. Армия, уже начавшая испытывать недостаток продовольствия, покинула Пруссию и ушла домой.

Москвичам вернули прежнее наименование полка. Местом их расквартирования была выбрана Калуга. Солдаты и офицеры за казенные деньги были размещены по домам жителей города и потекла мирная жизнь. Но уже в недалеком будущем предстояли важные дела на южных окраинах Великой Империи, помыслы которой будут устремлены к берегам Черного моря.

Часть 2

1. ВОЙНА НА ЮЖНОМ ФЛАНГЕ ИМПЕРИИ.

Уже не одно столетие алчная Речь Посполитая вела яростную борьбу со своим восточным соседом. Под дланью католического Рима она являлась важнейшим форпостом Запада, всячески сдерживающим развитие русского государства. Военная агрессия, поглощение территорий, политические интриги, экономическая блокада, бешеная травля православия и всего русского привели к тому, что два славянских государства превратились в кровных врагов, разорявших друг друга. И если Россия выстояла в этой борьбе и с начала 18 века начала своё стремительное развитие, то польское королевство также быстро стало приходить в упадок. Для него пришло время платить по долгам.

Франция, не устававшая повсюду совать свой нос, будь то Америка, Средний и Ближний Восток, Индия, Европа или далекая Россия, всячески пестовала своего польского сателлита. Слабеющего соседа и традиционного союзника в противодействии России также поддерживала Священная Римская империя. Интересы двух геополитических соперников совпали – обоим не устраивало усиление России.

К этому времени Польша уже идеологически ассимилировала русско-литовское население Речи Посполитой и от Унии двух государств осталось лишь название, а православные в стране были низведены в ранг людей второго сорта и католическими фанатиками подвергались жесточайшему преследованию. Чтобы хоть как-нибудь унять безумцев и установить спокойствие в соседнем государстве, царица Екатерина Алексеевна деловито перетащила своего прежнего фаворита красавца Станислава Понятовского из собственной постели на польский престол. Сейм одобрил кандидатуру. Кого только ранее не было на этом месте – литвин, француз, венгр, швед, немец, но здесь у некоторых вельмож выиграла обида. Добавил перца и русский посланник в Варшаве князь Репнин, бесцеремонно вмешивавшийся во внутренние польские дела. Панове справедливо возмутились, по призыву краковского епископа Солтыка побыстрому слетелись в город Бар и, потрясая саблями и сеledцами, учредили конфедерацию против нового короля. Началась гражданская война, в которую вмешалась Россия. 10 тысяч солдат под командованием генерала Веймарна вошли в страну. Обнаглевшие мятежники распаялись, грозились быстро покончить с русскими, которых, судя по тексту воззвания маршалкового сына Казимира Пулавского, и за людей-то не считали. За конфедератов, пообещавших за услугу отдать Волынь и Подолию, вступилась Османская империя – «Блистательная Порта», надеявшаяся по ходу дела отхватить у России ещё часть Малороссии вместе с Киевом, а также отобрать Астрахань. Подоспел и повод. Запорожские казаки увлеклись преследованием отряда польских мятежников, перешли границу и учинили погром в турецком городке Балта. Несмотря на извинения России и суровом наказании виновных, султан Мустафа III, объявив о поддержке конфедератов, 25 сентября 1768 года арестовал русского посланника, что означало объявление войны, а ещё через месяц повелел собирать 600-тысячную армию для похода на Россию.

Пока русские без особого успеха гонялись по лесам и долам за шайками конфедератов, османы и крымские татары готовились к столкновению с «неверными», которое намечалось в северном Причерноморье и в Молдавии. Для противодействия им Россия начала формировать две армии. Одна, 65-тысячная, под командованием генерала князя Александра Голицына должна была защищать юго-западные рубежи Империи, не допустить соединения османской армии с конфедератами и угрожать турецким крепостям на реке Днестр. Вторая, численностью в 40 тысяч человек, под командованием генерал-губернатора Малороссии Петра Румянцева стояла на нижнем Днепре в районе Елисаветграда и защищала от прорыва противника южную границу России, проходившую в этих краях по открытому степному пространству. Уже зимой,

в феврале, Румянцеву пришлось отбивать наступление конной орды крымского хана. Татары были разбиты, но в свой последний в истории разбойничий набег на русскую землю, в Новороссии они успели захватить в плен две тысячи мирных жителей и увести их на полуостров.

Более активные боевые действия развернулись весной 1769 года. Сдвинулись дела в Польше. Подошли подкрепления, в том числе Суздальский мушкетерский полк под командованием Александра Васильевича Суворова. 39-летний бригадир с небольшим отрядом пехоты, регулярной кавалерии и казаков сам искал противника, стремительно атаковал его и нанёс ряд поражений, фактически единолично парализовав военную деятельность конфедератов как в самой Польше, так и в Литве.

Удачно для России развивались события в Приазовье и на Кубани. В марте войсками были взяты Азов и Таганрог, а в результате активных действий отрядов казаков и калмыков в российское подданство были приведены бывшие союзники турок – кабардинские племена.

В апреле была уже готова выступить в Молдавию против османов армия князя Голицына. Войска, в том числе прибывший из Калуги 2-й Московский полк, собрались в Малороссии под Киевом и в середине месяца уже по польским землям Подолии двинулись к мощной турецкой крепости Хотин на реке Днестр.

Крепость защищали 30 тысяч турок и 120 орудий. Русские переправились на правый берег, установили батареи и затем штурмом овладели кронверком в предместье. Дальше дело не пошло и-за малочисленности тяжелой артиллерии. Кроме того, пришло известие о том, что 200-тысячная армия противника перешла Дунай и двинулась в Молдавию. Часть сил направилась в Бендеры, соединилась с татарами и стала угрожать Румянцеву, а половина армии двинулась к Хотину и уже находилась на подходе к крепости. Османы и крымские татары напали на армейский обоз и только с большим трудом удалось отбить эту атаку. Пришлось бросить осаду и отойти за Днестр к Каменец-Подольску, чтобы прикрыть границу. Турецкий главнокомандующий сераскир Молдаванчи-паша расположился в Хотине. Лето прошло в небольших стычках, но когда в начале сентября паша решил перейти Днестр и двинулся к Каменцу, Голицын в двух сражениях нанёс поражение его армии, а затем занял оставленный турками Хотин. В боях активно участвовали москвичи, особенно их гренадерские роты, которые во втором сражении, поддержанные удачно установленной на левом берегу реки 20-орудийной батареей, в жаркой контратаке штыками сбросили переправившихся по мосту турок в Днестр и решили дело.

По подписанному императрицей указу в ноябре в мушкетерских полках южных армий, также как и за четыре года до этого в полках нескольких дивизий на западной границе, впервые появились команды егерей, куда отбирались лучшие стрелки. От прочих они отличались зелёным цветом шаровар, черным плюмажем на шляпе, кортиком вместо штыка и укорочённым ружьём с нарезным каналом ствола – дальнобойным штуцером. Такая команда появилась и во 2-м Московском полку.

Капитан Данилов не без неудовольствия принял команду егерей. Дело новое, незнакомое, забот прибавилось. Ротные командиры, само собой, лучших стрелков старались придержать и избавлялись от нерадивых или буйных. Пришлось рапортовать командиру полка подполковнику Бегичеву и потом самому подбирать молодцов. Народ в команде подобрался разный – степенные уральцы, задиристые новгородцы с псковичами, рязанцы – мешерские лесовики, немногословные вологодцы, бойкие москвичи. Все уже понюхали пороха, метко стреляли. Теперь пришло время освоить хитрости рассыпного строя, действия из-за различных укрытий, а главное – обращению с незнакомым оружием. Этим капитан и занимался со своими егерями на зимних квартирах.

Полк же пополнился рекрутами и достиг штатной численности. Деревенских парней интенсивно обучали солдатской науке строгие унтер-офицеры. Когда не доходило, то подспорьем выступали кулак или палка, что в крепостной России не считалось чем-то зазорным.

Но одновременно рекрутам внушалась мысль о более высоком статусе российского солдата в сравнении с обывателями и его превосходстве над врагами. Ребяшня из окрестных малороссийских сел с восторгом наблюдали за маневрами новобранцев, пальбой из ружей и пушек и, насмотревшись всего этого, устраивала свои веселые баталии.

2. КАГУЛ

Генерал Румянцев, в сентябре сменивший на посту командующего 1-й армией своего родственника князя Голицына, разработал план военных действий в следующем году. Главные события должны были развернуться снова в Молдавии, а также в Валахии. Перед армией ставилась задача очистить левобережье Дуная от турок. План был одобрен Петербургом.

Были изданы манифесты, в которых жителям двух княжеств разъяснялись цели войны и предлагалось поддержать русскую армию. Призыв нашёл отклик, принят молдавским духовенством и повсеместно начали создаваться отряды вооруженных добровольцев – арнаутов, которые включились в борьбу против османов и татар.

В самой армии начал внедряться разработанный Румянцевым и предназначенный к исполнению командным составом «Обряд службы...», который предписывал понятные и полезные нововведения в организацию и обучение войск.

Командующий был уверен в умении и стойкости своих солдат и офицеров. Тревожила лишь их малочисленность и недостаток в его армии легкой кавалерии. Карабинеры и кирасиры не тот вид конницы, который нужен против быстрых, на великолепных и горячих конях турецких делов, сипахов и, особенно, крымских татар. За такими не угонишься в преследовании, в яростной сече на тяжеловозе да в кирасе неловко биться с вертким и смелым, нападающим со всех сторон врагом. Оставалась надежда на гусар-сербов и казаков, давно знакомых с манерами противника.

Никаких сомнений у Румянцева не вызывала своя пехота и артиллерия. Построенные в каре фузилеры и гренадеры могли отбить любую, самую лихую атаку, а пушкари без труда переиграть в огневой потехе суетливых топчи, нещадно палящих в божий свет как в копейку.

С большим удовлетворением Петр Александрович воспринял как нельзя кстати появившийся указ о формировании в его армии команд егерей. Ведь первый батальон этих стрелков был образован именно Румянцевым ещё во время Семилетней войны в 1761 году. Тогда почин не получил своего развития, зато сейчас егеря становились новым родом войск.

В середине марта Данилов был назначен командиром мушкетерской роты и сдал командование над егерями недавно прибывшему в полк поручику. За зиму он много положил трудов, чтобы создать боеспособное подразделение и ему это вполне удалось. Хотя он уже успел привыкнуть к своим егерям, расставался с ними Данилов с легкой душой. Во-первых, его егерская команда получила высокую оценку от командира полка, приятно удивленного, что за столь короткий срок у него появился отряд отличных стрелков – эти 60 проворных ребят стояли в бою не меньше роты фузилеров; во-вторых, дошел слух о том, что команды егерей в будущем выведут из состава полков и создадут из них отдельные батальоны, а покидать уже ставшим родным полк Андрею не хотелось; в-третьих, повышение в должности всегда приятно.

Ранней весной 1770 года огромная 150-тысячная турецкая армия сосредоточилась на левом берегу Дуная у Исакчи и готовилась к переправе. Целями были возврат Валахии с Бухарестом и уничтожение стоявшего там русского корпуса генерала Штофельна, вступление в Молдавию и выход к польской границе на соединение с конфедератами. После чего предполагалось вторжение в Россию.

Планы Порты были очевидны и не являлись секретом для Петербурга. Было решено опередить османов и разгромить их на территории Молдавского княжества. То есть, действовать по плану Румянцева.

В конце апреля 1-я (Главная) русская армия выступила к Хотину. 2-я армия, защищавшая российские рубежи от Азова до Южного Буга, которую возглавил генерал-аншеф граф Петр Панин, своими главными силами направилась к Бендерам. Эта крепость находилась на стыке двух русских армий, была важным турецким форпостом, откуда исходила постоянная

угроза наступления противника в Малороссию. Перед Паниным была поставлена задача взять Бендеры и перекрыть сообщение турок из Молдавии с другой важнейшей крепостью – Очаковым. Бендеры были блокированы, но активные действия из-за разразившейся чумы были приостановлены до лета.

Румянцев же тянуть не стал и 15 мая у Хотина его войска форсировали Днестр и двинулись на юг. Но быстрому маршу помешала непогода. Обрушились сильные дожди, дороги превратились в непролазные болота, орудия и повозки вязли в грязи, отставали и армия в первую неделю за день преодолевала лишь по несколько верст.

Тем не менее, двигаясь вдоль Прута, уже 17 июня Румянцев атаковал противника. За несколько дней до этого у молдавского селения Рябая Могила 70-тысячная крымско-татарская конница хана Каплан-Гирея окружила малочисленный корпус генерала князя Николая Репнина и тот уже ели сдерживал её непрекращающиеся атаки. Одному русскому пришлось сражаться с десятью ордынцами. Но главные силы армии успели подойти вовремя. На рассвете Румянцев, выстроив пехоту в несколько каре, стремительно атаковал лагерь противника и рассеял татар. Потрясённые неожиданным ударом, они, вместо того, чтобы отступить на соединение с турецкой армией, бросились куда глаза глядят и пришли в себя лишь на реке Ларга при её впадении в Прут. Через несколько дней к татарам подошёл 15-тысячный турецкий корпус Абазу-паши и союзники начали активно укреплять лагерь. Они решили здесь дожидаться главные силы верховного визиря Иваззаде Халил-паши и разгромить русских, которых всего не более 40 тысяч. Османы занялись своим обычным делом – рыли окопы, чего никогда нельзя было заставить делать татар. Те лишь гарцевали вокруг на своих горячих скакунах, да посмеивались.

Смеяться перестали 7 июля, когда «неверные», вновь построившись в каре от батальона до двух полков в каждом, отбив несколько бешеных атак толп татарской конницы и выдержав огонь турок, с боевым кличем «Да здравствует Екатерина!» вышибли их из лагеря, перебив более тысячи аскеров, пленив ещё две тысячи и захватив 33 пушки. Русские потеряли убитыми 26 рабов божьих, вечная им память. Румянцева перед сражением не смутил двойной перевес противника в силах и он заявил, что «слава и достоинство наше не терпит, чтоб сносить присутствие неприятеля, стоящего на виду у нас, не наступая на него».

Визирь проклял Каплан-Гирея и не захотел воевать вместе с этим трусливым шакалом. Он был уверен, что сможет один справиться с армией Румянцева. Тем не менее, вовсе сбрасывать со счетов татар он не стал. Пусть они будут стоять в тылу русских и не дадут им так просто убежать, когда те устроятся вида его храбрых войск – таборов янычар, лавины сипахов и мамелюков, зорких топчу с огромными пушками, которые тянут по шесть пар волов.

Между тем, Первая русская армия после баталии на Ларге несколько дней отдыхала неподалеку от места сражения, а затем перешла к речке Салча и на обширной равнине, поджидая обозы, расположилась там лагерем. Вагенбург со всех сторон окружали поля пшеницы и ячменя. Ряды белых армейских палаток среди моря налитых спелостью тяжелых колосьев немного оживляли безлесый пейзаж. Палило солнце и лишь изредка легкое дуновение ветра с реки доносило едва заметную прохладу.

30-тысячная русская армия оказалась в довольно сложном положении. Мало того, что перед ней сейчас стояли 150 тысяч турок, а в тылу за рекой Ялпуг маячили ещё 65 тысяч татар, из-за отставания обозов в войсках стало заканчиваться продовольствие. Нужно было либо возвращаться и идти к обозам, либо наступать. Румянцев выбрал второе. Он не стал ждать нападения с двух сторон и решил атаковать сам.

Армия двинулась вниз вдоль Салчи к Троянову валу, когда-то возведённому римским императором для защиты от варваров. У деревни Гречени перед валом войска остановились и стали готовиться к сражению. Командующий сам провёл рекогносцировку и увидел, что визирь расположил свою огромную армию к югу за Трояновым валом между реками Кагул

и Ялпух, причём в самом узком месте, где обе впадают в одноименные озера. Долина была изрезана несколькими довольно глубокими лощинами. Места для развертывания больших масс турецкой кавалерии не хватало. Кроме того, в тылу маневр османов ограничивался широким и полноводным Дунаем, через который турки так и не смогли возвести мосты. Сообщение с противоположным берегом происходило только с помощью лодок. Румянцев решил дожидаться у Гречений обоза и войск, которые он несколько дней назад отправил для его охраны от татар, затем несколькими колоннами перейти Троянов вал и построив войска генералов Баура (иначе – Боура), Племянникова, Олица, Брюса и Репнина в каре с кавалерией и артиллерией в промежутках между ними, атаковать турок в долине, причём главный удар нанести по их левому флангу вдоль Кагула.

2-й Московский полк состоял в дивизии генерал-аншефа Петра Олица и находился в центре расположения армии. Ни при Ларге, ни при Рябой Могиле в боевых действиях москвичи, кроме двух гренадерских рот, участия не принимали. Но было понятно, что в предстоящем сражении дело найдётся для всех, уж больно много собралось басурманов.

Утром 20 июля пикет под командой капитана Данилова стоял на гребне Троянова вала. В пикете, кроме роты Андрея, находилось отделение егерей и три десятка казаков. Мушкетеры и егеря по верху протянули цепь по два человека на каждом посту, а казаки спустились вниз и не спешиваясь сидели в седлах, готовые к сшибке с гарцевавшими перед ними в сотне сажень сипахами. От нападения турок останавливал то ли ров, то ли овраг, тянувшийся вдоль вала.

До лагеря визиря было примерно пять верст и сверху было хорошо видно все то, что там происходило. С севера турки нарыли траншеи и установили артиллерийские батареи. Перед ними беспечно паслись табуны лошадей, гордо расхаживали верблюды, почти неподвижно торчали пастухи, лишь изредка срывавшиеся с места и погонявших непокорных животных. Сам же лагерь напоминал растревоженный муравейник и находился в постоянном движении. От пестроты мундиров, алых и белоснежных тюрбанов, блеска оружия рябило в глазах. На возвышении выделялся среди прочих огромный шатёр великого визиря. С юга, от Дуная, к лагерю тянулись вереницы повозок, подводящие различные припасы для этого огромного скопища людей.

К Данилову подъехали два всадника – казак и молодой офицер, к погону на левом плече которого был пристегнут золотой аксельбант. Офицер живо соскочил с коня, передал поводья казаку и подошёл к Данилову. Представился:

– Капитан Михайло Кутузов, дивизионный обер-квартирмейстер и флигель-адъютант при генерале Фёдоре Виллимовиче Боуре. Послан генералом обозреть расположение османов. Наш авангардный корпус стоит правее вас, но оттуда плохо видно. Здесь же все как на ладони. Не против? – улыбнулся штабной.

– Извольте, господин капитан, – невольно тоже улыбнувшись при виде этого румяного, подтянутого и стремительного офицера, ответил Данилов и предупредил. – Только не советую заезжать дальше моих станичников. Вчера здесь турки заарканили одного любопытного, так еле-еле успели его отбить.

Кутузов достал тетрадку и, посматривая в сторону турецких позиций, стал в неё что-то записывать. Потом сел на лошадь и спустился к казакам. Проехал вдоль вала вправо к лощине, которая оттуда выходила к занятой турками деревне Вулканешти, стоявшей на берегу озера. Потом поднявшись снова на вал, довольно долго рассматривал местность.

Турки заметили офицера, несколько сипахов приблизились, обстреляли его из ружей. Капитан не обращая внимания на стрельбу, снова стал писать, а потом неторопясь подъехал к Данилову.

Передав коня снова казаку, он не отказался от предложенной Даниловым воды. Узнав, где сейчас можно найти генерала Олица, Кутузов распрощался, а напоследок сказал:

– Завтра здесь будет горячо. Главное, до баталии – не выпустить визиря за Троянов вал и не дать ему окружить армию. Так что, смотреть надо в оба.

Пожав руку Данилову, Кутузов повернулся пошёл к своей лошади. На глазах изумленного Андрея походка квартирмейстера вдруг изменилась и стала точь в точь напоминать походку Главнокомандующего. Потом, взлетев в седло, озорно улыбнувшись и приложив пальцы к шляпе, Кутузов ускакал.

Около 10 часов в турецком лагере вдруг усилилось движение, запели трубы, забили барабаны и в долину стали выезжать тучи всадников, а за ними двинулась пехота, покатались пушки.

Не мешкая Данилов послал в штаб дивизии вестового с известием о выступлении османов. А внизу донцы уже всюю состязались в джигитовке и меткости стрельбы с турецкими кавалеристами. Казаки здесь преуспели и обозлённые сипахи не решались подъезжать ближе, зато страшно ругались, в том числе по-русски, грозили копьями и саблями, вызывая их на честный бой. Казаки и не прочь бы, но турок было неизмеримо больше, да и Данилов приказал не ввязываться в бой, который мог перерасти в большое сражение. Что было в головах высших командиров Андрей, естественно, не знал и рисковать не хотел.

Дело разрешилось само собой. За две версты до Троянова вала турки неожиданно остановились, затем повернули назад и на широте впадения реки в озеро Кагул начали разбивать новый лагерь, янычары и артиллеристы без особого, правда, рвения принялись возводить легкие укрепления. С вала было отлично видно, что большая часть армии визиря сосредотачивается на левом фланге у реки.

О происходящем Румянцев получил донесения не только из дивизии Олица. Казаки полковника Иловайского захватили важного турка, который рассказал о намеченной на завтра атаке визиря.

Русский командующий сейчас смог выставить на поле боя менее 30 тысяч солдат. Три тысячи пехоты и столько же кавалерии, направленные на охрану обоза, лишь только-только возвращались в вагенбург. Подавляющее преимущество в силах у турок было налицо, сомнений в этом не было ни каких. Но Румянцев приказал армии скрытно ночью выдвигаться к Троянову валу и утром атаковать визиря.

В час ночи 21 июля войска выступили от Греченей. Старались не шуметь и турки не подавали сигнала тревоги. Они или действительно не замечали передвижения русских, или просто не беспокоились понапрасну, будучи абсолютно уверены, что раздавят их при любом раскладе. Когда перед рассветом войска Румянцева уже стали переходить Троянов вал, османы все-таки обозначили себя и открыли пальбу, которая вскоре прекратилась и вновь установилась тишина.

Пикет Данилова, как и прочие, были сняты при прохождении вала войсками и присоединились к своим полкам. Около 4 часов утра, когда почти рассвело, вся русская армия уже была за Трояновым валом и стала строиться в боевой порядок. Дивизия Олица в двух каре встала в середине фронта. Перед ней развернулась большая батарея генерал-майора Петра Мелиссино. Справа от дивизии построилось каре генерал-поручика Петра Племянникова, а дальше и немного выдвинувшийся вперёд по берегу реки – авангардный корпус Боура. Соседями Олица слева были также построенные в каре дивизия генерал-поручика Якова Брюса и корпус Репнина. Фланги дивизии защищала кавалерия, правый – карабинеры князя Долгорукова и ахтырские гусары, левый – кирасиры и карабинеры графа Салтыкова. Казаки, арнаулы, драгуны разместились между войсками Репнина и Брюса, а сербские гусары – за пехотой Боура. Основная часть артиллерии была поставлена на левом фланге и в центре.

Румянцев со штабом находился в правом каре дивизии Олица, состоявшим из 1-й и 2-й пехотных бригад с гренадерским батальоном графа подполковника Семена Воронцова

(будущего посланника в Британии). Во втором каре были московцы и три остальных полка 3-й бригады – Смоленский, Куринский, Выборгский.

Рота Данилова вместе со своим полком занимала левый фас «коробки». В четыре утра от топота копыт задрожала земля – нескончаемым потоком в наступление ринулась турецкая

кавалерия. Сейчас не один седоусый ветеран в шеренге вспомнил об уничтоженных Румянцевым рогатках, которые останавливали первое нападение вражеской конницы. Но теперь приходилось уповать лишь на свой штык, меткий выстрел, стойкость соседа, а также артиллерию. Она и заговорила первой. Рывкнули две сотни орудий и скосили первые ряды нападавших. Следующие, перескакивая через груды павших людей и коней, по инерции продолжали нестись вперёд. Ещё один залп артиллерии и кавалеристы стали сдерживать лошадей, раздаваться в стороны от русских батарей, обтекать их стороной. Но теперь они попали под плотный огонь пехоты.

Отбитые с фронта, турки бросились по ложине в промежуток между дивизиями Олица и Брюса. Перед самым началом сражения кавалерия Салтыкова отсюда была переведена на усиление правого фланга армии и здесь образовался свободный коридор. Прорвавшиеся турки сразу зашли в тыл войскам Брюса и Репнина и им пришлось биться в полном окружении.

Другая часть османов пробилась к Троянову валу, накопилась в большом числе во рву и спешившись, открыла сильный ружейный огонь с тыла по дивизии Олица.

Румянцев тут же приказал всей дивизии заходить влево, отрезая скопища прорвавшихся турок от основных их сил, а волонтерам, в том числе трём десяткам москвичей под командой майора Ребендера, с несколькими пушками взойти на вал и обстрелять османов.

Быстро заняв указанную позицию, волонтеры открыли убийственный огонь. Ни одна ружейная пуля и картечь не пропадали даром. В панике турки ринулись обратно, но мышеловка уже захлопнулась. Огнём и штыками пехоты Олица и Брюса все они были полностью уничтожены.

Нападения турок были отбиты по всему фронту. Мало того, русские усилили огонь, артиллерия стреляла непрерывно, ядра залетали уже в турецкий лагерь. Это было уже слишком и османы прекратили атаки.

Визирь и многочисленное окружение, среди которого были почти все главные сановники Порты, негодовали. Горсть русских устояла против элитной кавалерии Империи – лучших биниджи (турецкое – всадник) Анатолии, Албании, Македонии и Фракии! Невиданный позор! Визирь напомнил трём пашам, которых он днями раньше одарил дорогими шубами, об их обещании разгромить русских. Те поклялись покарать неверных.

Уже восьмой час русские солдаты были на ногах. Удалось отбить первое, самое опасное нападение турок, нанести им тяжелый урон. Но дело нужно было доводить до конца и Румянцев приказал начать наступление. Противник был ошеломлён жестоким отпором, но эта потерянная быстрота проходила, когда турецкие командиры за трусость начинали рубить уши своим солдатам. Так что, стоило поторопиться.

Первыми вперёд двинулись войска Боура и Племянникова, которые, несмотря на жестокий огонь артиллерии, уже через полчаса подошли вплотную к лагерю неприятеля. Как оказалось, перед ним турки все-таки успели выкопать несколько линий ретраншементов, из которых встретили русских сильным огнём, а затем атаковали конницей. Боур шёл упрямо вперёд и его гренадеры сумели захватить особенно досаждавшую 25-орудийную батарею, а также деревню Вулканешти.

Дивизия Племянникова, числом в 4,5 тысячи человек, не отставала и была в нескольких десятках шагов от лагеря, как внезапно из глубокой ложины, из засады на неё обрушились полчища отборной пехоты – янычар, которых было не менее 10 тысяч. Нападение было настолько неожиданным, что они сразу смяли левый фас каре и ворвались в его середину. Полки Астраханский и 1-й Московский не устояли, солдат охватила паника. С ятаганом в одной руке и кинжалом в другой, янычары в ближнем бою были мастерами. Не в силах оказать организованное сопротивление, сражаясь один против двух, мушкетеры не выдержали бешеного нападения и бросились к каре Олица. Продолжали сражаться 4-й гренадерский, Муромский и Бутырский пехотные полки, но и их участь, казалась, была предрешена. Наблюдая за происходящим,

Румянцев очень спокойно сказал гостю русской армии брату прусского короля Фридриха Второго – принцу Брауншвейгскому: " Теперь настало наше время» и приказал трём полковым орудиям развернуться и ударить картечью по янычарам.

Беглецы внесли беспорядок в правое каре дивизии Олица. Но прозвучал зычный голос Румянцева: " Пустите меня!» и, несмотря на попытки свитских удержать его, он стал пробираться в гущу схватки. Он подъехал к бегущим и возгласом» Ребята, стой!» сдержал их. Вокруг образовалась толпа солдат, которые яростно бросились на янычар. Одновременно по ним открыли огонь несколько орудий, а затем атаковали 1-й гренадерский полк и батальон гренадер Воронцова (иногда говорят, что это был батальон егерей). В гуще турок от попавшего в него русского ядра со страшным треском внезапно взорвался снарядный ящик, что привело их в ужас, а весь пыл улетучился. Янычар рассеяли, обе дивизии приведены в порядок и все русские войска двинулись на штурм укрепленного турецкого лагеря.

2-й Московский полк, все семь сотен солдат и офицеров, после разгрома прорвавшейся к Троянову валу турецкой конницы и заминки, связанной с отражением на правом фланге нападения янычар, теперь, все ускоряя шаг, приближался к турецким укреплениям, забитым хотя и уже значительно потрепанным, но все ещё весьма многочисленным воинством.

В шеренге Данилов с удивлением вдруг заметил своего денщика Ивана, шагавшего с другой ротой. Там же поспешали ещё несколько нестроевых, которых капитан знал в лицо. Когда каре остановилось и стало выравниваться перед решающим броском, Андрей поманил к себе денщика и спросил, как он оказался здесь?

– Когда вчера Вы, Ваше высокоблагородие, – объяснил Иван, – с ротой были в пикете, денщиков позвали получать порцию и провиант – утром обоза дождались. На раздаче сговорились просить у батальонного командира ружей и патронов. Уговорили пойти к нему фельдфебеля и сказать о нашей желаниии пойти в бой с туркой. В полку-то меньше половины осталось, вот и решили подсобить. Господин майор, говорят, удивился очень, но разрешил. Ещё сказал, что всех господ офицеров предупредит, да, видно, за делами забыл.

Иван у Данилова в денщиках был уже 12 лет – с того дня, как только Андрей перешёл в полк и получил прапорщика. Капитан знал его как облупленного, давно привык нему и ценил за короткий язык, осмотрительность и хозяйскую жилку. Однажды, правда, пришлось об него обломать палку, когда тот, приняв лишку, при переправе через Одер вместе с коляской утопил весь багаж. Но после этого случая Иван остепенился и строго держался положенной нормы.

Особенного геройства за своим денщиком Данилов не замечал и сейчас посмотрел на него другими глазами. Сколько, ведь, людей нороят в тяжелый час в тылу отсидеться, а этот вот каким оказался!

Приказав Ивану вернуться в свою роту, Данилов огляделся. В середине каре, съехавшихся друг к другу, переговаривались оба командира бригад, изредка подсматривая вправо, где у соседей в окружении своего штаба на коне возвышалась статная фигура командующего армией.

Тяжелые полотнища знамён трепетали на ветру. Артиллеристы, подкатив вручную орудия, не обращая внимания на турецкие ядра, замерли с тлеющими пальниками, готовые поднести их к затравкам и либо отбить новую атаку врага, либо обрушить огонь на его траншеи.

Прошло несколько минут. Турки не высовывались за укрепления и выжидали. Взмах руки Румянцева, дробь орудийных выстрелов пробежала по русской линии, ядра и гранаты начали вдребезги разносить турецкие позиции и их защитников.

За орудийным залпом вперёд двинулась русская пехота, охватывая лагерь с флангов, понеслась кавалерия, корпус Репнина стал заходить османам в тыл.

Московцы ворвались в середину ретраншементов турок. Каре уже потеряли строй и превратились в лавины людей. Турки продолжали сражаться, но их сопротивление стало быстро слабеть.

Среди шатров, окопов, куч земли, брошенных орудий и повозок, в тесноте шёл рукопашный бой. Данилову уже несколько раз приходилось пускаться в дело шпагу, отбиваясь от выскакивающих отовсюду турок. В какой-то момент он оказался сразу перед несколькими янычарами. Один из них выстрелил из пистолета почти в упор. Пуля ударила в плечо и свалила Андрея на землю. Турки бросились добивать, но дорогу им преградил денщик капитана. Одного янычара он заколол штыком, но другой одним ударом ятагана по локоть отсек ему руку. Подоспели мушкетеры и перебили всех нападавших.

Данилов этого уже не видел. В сознание он пришёл в лазарете на следующий день...

Турки в сражении при Кагуле потерпели сокрушительное поражение, потеряв свыше 20 тысяч воинов, всю артиллерию и обоз, 56 знамён, армейскую казну (которую, правда, до того как о ней узнали в штабе, уже успели растащить арнауты и казаки). Остатки армии Халил-паши бежали за Дунай. Русские потери составили около тысячи убитыми и ранеными. Петр Румянцев получил титул фельдмаршала, обласкан Екатериной. Поздравление с выдающейся победой прислал бывший противник, а теперь союзник – король Пруссии Фридрих Второй. Все генералы и офицеры получили награды или произведены в более старший чин. О солдатах командующий, конечно, тоже не забыл. Многие были награждены специальными серебряными медалями, все без исключения получили денежное поощрение.

На следующий день по случаю победы был проведён торжественный молебен. Затем произведён салют в 101 залп. Румянцев поблагодарил войска за проявленную отвагу. В ответ солдаты кричали:

– Петр Александрович, ты сам истинный солдат!

Но война не закончилась и продолжалась ещё долгие 4 года. Войска Румянцева, Панина, Долгорукого, Репнина, Боура, Каменского, Суворова били противника в поле, штурмом брали, казалось, неприступные крепости врага. Ожесточенные бои шли в Валахии, Болгарии, на Кавказе, в северном Причерноморье, в Крыму, русский флот громил османов в Средиземном и Эгейском морях. В итоге, Османская империя была значительно ослаблена и изгнана из Крыма, её вассал – крымский хан, привёл своё стремительно хиреющее государство под руку России, которую ордынцы своими разбойничьими набегами до этого терзали несколько веков. Российские армия и флот навсегда утвердились на полуострове, стали щитом от агрессии на южных рубежах страны.

Одновременно в Речи Посполитой был подавлен мятеж конфедератов, который не пользовался поддержкой не только белорусского и украинского населения, но и польских «хлопов», а также значительной части дворянства. Не смог помочь и присланный из Франции воинский контингент во главе с генералом Дюмурье. Поляки избрали его Главкомандующим, но все попытки объединить разрозненные шайки мятежников, возглавляемые множеством самостийных командиров закончились неудачей. Сам француз вместе с франко-польским гарнизоном весной 1772 года в ходе штурма русскими войсками и отрядом польских королевских войск графа Браницкого под общим командованием генерала Суворова был захвачен в краковском замке генералом Александром Суворовым и затем выслан из страны.

Некогда мощное государство на глазах приходило в упадок. Одной из причин неурядиц было глупое неприятие правящей верхушкой и католическим духовенством иноверцев – русских, белоруссов и украинцев. За это Польша поплатилась. Часть территории до Западной Двины, населенная православными, вернулась в Россию. Хищная и двуличная Австрия оттяпала южные земли до Кракова. Пруссия тоже не осталась в стороне и присоединила часть Поморья и Великой Польши. Произошёл первый раздел Речи Посполитой. Действия России были справедливы, Австрия и Пруссия выступили как грабители с большой дороги. Парадокс, но до сих пор поляки в своей катастрофе винят прежде всего восточных соседей и лицемерно не замечают роли хищников из Вены и Берлина. Свой кнут сечет не так больно.

Андрей Данилов за Кагул был произведён в секунд-майоры и награждён специальной золотой медалью, отчеканенной в честь победы в этом сражении. Его рана оказалась достаточно серьёзной, чтобы продолжить военную службу. После месяца лечения в госпитале, он вышел в отставку, уехал в Россию и поселился в частном доме в Москве у Никитских ворот. Холостяцкая жизнь закончилась лишь только через десять лет. Судьба счастливо свела его с девушкой, которая с родителями в собственном доме проживала по соседству. Венчание происходило в старинном храме преподобного Феодора Студита у Никитских ворот. Через два года, когда Андрей уже начал терять надежду, Господь подарил влюблённым родителям сына Александра, ещё через несколько лет – второго, Владимира.

Часть 3

1. В ИТАЛИЮ ПОД СУВОРОВСКИМИ ЗНАМЁНАМИ.

Как-то так сложилось, что с самых юных лет у обычного московского мальчишки, Женьки из Столового переулка что у Никитских ворот, проявился интерес к славной истории России 18—19 веков, а постепенно и взаимоотношениям нашей страны с далекой Францией.

Причин было много. Конечно, главную роль здесь сыграли книги, музыка и кино. Как и многие сверстники, он зачитывался произведениями Александра Дюма и Жюль Верна. Потом вникал в книги Виктора Гюго и Мопассана. Слушал песни в исполнении Эдит Пиаф, Жильбера Беко и Ива Монтана. «Опавшие листья», «Под небом Парижа», «Одинокая гармонь» последнего звучали повсеместно. Ну, а позже, щипал душу Сальваторе Адамо. В кино-театрах постоянно шли французские фильмы с участием первых «звёзд» и, надо сказать, отличного качества. Мусор тогда не закупался. Да и время было такое – расцвет мирового кинематографа, что у нас, что на Западе.

В те времена паренек полагал, что Франция наиболее близкая России страна. Много было общего. Ведь там страну в средние века, тоже как и Русь, много лет гнобили иностранные захватчики – только не татаро-монголы, а англичане. Также бунтовал простой народ, снёс своего монарха и паразитов-аристократов, героически бился за свободу с интервентами. Парижская коммуна в советской России считалась предвестницей Октябрьской Революции. Как и у нас, партизаны, в основном, коммунисты, боролись с фашистами, а летчики «Нормандии-Неман» вместе с нашими на Яках» вгоняли в землю немецких асов. Французы хорошо усвоили понятие чести и не меняли в своей столице гордое название одной из станций метрополитена – «Сталинград». Генерал и президент Франции Шарль Де Голль не стеснялся восхищаться генералиссимусом Сталиным, а с балкона Моссовета провозглашал здравицы России и её народу.

Франция вела себя достаточно благородно и подлостей нашей стране не делала. Воевать-воевала, но никогда не ставила задачу уничтожения или поглощения своего восточного оппонента и относилась к нему с почтением. Россия платила тем же.

После того, как французов вышибли из Индокитая и Алжира, они успокоились, вновь вспомнили, что обе мировые войны были вместе с русскими и первыми на Западе стали налаживать отношения с Советским Союзом.

На этом фоне, естественно, Женьке хотелось узнать побольше о великой стране.

К концу XVIII столетия простые французы, с которых драли последнюю шкуру, уже вдоволь натерпелись от вконец обнаглевшего дворянства и королевских чиновников, которые не знали удержу и душили их различными налогами. Крестьяне и ремесленники все более нищали, система феодальных отношений не давала в полной мере развиваться нарождавшемуся капитализму. Сам монарх, поддерживаемый придворной камарильей и духовенством, будто бы и не замечал тягот, которые испытывал народ. Положение усугублял начавшийся в конце 80-годов экономический кризис. Предпринимаемые полумеры улучшений не приносили. Как итог, взрыв народного недовольства, штурм королевского дворца, арест и казнь на гильотине королевской четы, поголовный террор в отношении бывших угнетателей. Наряду с лозунгом «Свобода, равенство, братство!», был провозглашён призыв» Мир хижинам – война дворцам!»

Европейские монархи почувствовали серьезную угрозу для установленного веками порядка и подстрекаемые Англией, которая решила воспользоваться смутой и снести своего главного соперника, и щедро ею финансируемые, начали военную интервенцию против республиканской Франции, разожгли мятеж в Вандее.

Осенью 1792 года при Вальми французами было отбито первое наступление пруссаков, австрийцев и роялистов под общим командованием герцога Брауншвейгского. Затем война разгорелась по всем фронтам – на Пиренеях, Рейне, в Северной Италии, Нидерландах. Революционная армия, частично состоящая из добровольцев, раздетая и голодная, но полная энтузиазма, с обычных до 1789 года 242 тысяч постепенно была доведена до полу миллиона человек. Пришли победы, война была вынесена за границы страны. Генералы Пишегрю, Гош, Келлерман, Моро, Бонапарт громили австрийцев, пруссаков, испанцев, голландцев, войска сардинского и неаполитанского королей. Случались и поражения, но в целом боевые действия складывались для французов удачно. На захваченных территориях одна за другой стали образовываться подчиненные им республики. Австрия, терявшая свои владения, была уже не рада, что ввязалась в нескончаемую войну. Требовался сильный союзник и взгляд обратился на Россию.

Екатерина II благоразумно отказалась воевать против французских «бунтовщиков» – были они слишком далеко и пусть ими занимаются соседи. Но после её смерти, взошедший на престол Павел I поддался уговорам англичан и вступил в коалицию с Австрией. Человек благородный и честный, наверное, один из самых порядочных в ряду российских самодержцев, Павел Петрович был искренно возмущён террором во Франции и не желал повторения подобного где-то ещё. Кроме того, как Великий магистр Мальтийского рыцарского ордена, он не мог потерпеть беспардонного захвата французами острова Мальта. Поэтому и согласился направить свои войска против французов: в Голландию – корпус генерала Германа, в Швейцарию – корпус генерала Римского-Корсакова, в Италию – армию под командованием Суворова.

Отставной секунд-майор Андрей Данилов не торопился записываться в полк своего первенца – Александра. Когда наступило время, майор повёз сына в Калугу, где стоял его 2-й Московский полк, в который после экзамена по языку, грамоте и азам математики, тот был зачислен рядовым в состав роты егерей. Все офицерские вакансии были заняты и перспективы получения первого чина были весьма туманны. Как это часто бывает, помогли связи. Один из приятелей отца, гостивший у него в Москве, расписал службу в 7-м егерском батальоне, расквартированном в Волковыске недавно образованной Гродненской губернии. Батальон проявил себя при штурме Варшавы, был на хорошем счету у императора и в ближайшие месяцы должен был быть преобразован в егерский полк. Майор собрал все рекомендации и поехал в Литву. Пробыл он там месяц и вернулся душевным другом командира батальона. Уже через полгода, честно выдержав очередной экзамен, Александр Данилов числился прапорщиком этого батальона.

В мае 1797 года батальон был действительно преобразован в 7-й егерский полк в составе 883 человек, вооружённых штуцерами и кортиками вместо штыков. Зелёный мундир с красными воротником и обшлагами, белые брюки, заправленные в сапоги, треугольная шляпа и форменный колпак с ниспадающим на плечо верхом составляли обмундирование солдата. Костяк полка составляли опытные ветераны, повоювавшие с турками и поляками. От этих ветеранов Александр усваивал премудрости егерского дела. Наблюдая, как они, если сразу не доходило, вколачивались в рекрутов, он благодарил Бога, что был офицером и был избавлен от кулаков и палок. Суровые методы обучения солдат в те времена были распространены во всем мире и Россия не была исключением. Единственной страной, где были отменены издевательства над людьми в военных мундирах была революционная Франция. Лозунг «Свобода, равенство, братство!» не был пустым звуком.

В феврале следующего года шефом полка был назначен полковник князь Пётр Багратион. Ещё через год Багратион был произведён в генерал-майоры и полк стал именоваться по новым уставам его именем – 7-м егерским генерала князя Багратиона егерским полком.

В июле 1798 года полк выступил в Брест-Литовск, откуда 13 октября в голове корпуса генерала А.Г.Розенберга армии Суворова двинулся в Австрию. Вслед выступил корпус гене-

рала Ребиндера. Впереди были сражения с отважным и сильным противником – армией республиканской Франции, за год до этого под командованием генерала Бонапарта выгнавшей из Италии австрийцев.

На границе сначала, правда, произошла заминка. Союзники обещали на все время войны обеспечивать русских провиантом и фуражом, однако сразу начались, мягко сказать, недоразумения. Оказалось, что австрийцы установили для русских свои нормы – всего по 2 фунта печёного хлеба в день на человека, в то время как в русской армии полагалось по три фунта плюс примерно 5 килограммов крупы в месяц. Розенберг твёрдо заявил, что австрийской нормы для русского солдата недостаточно и пока её не увеличат, границу переходить он не будет. Препирательства продолжались шесть недель. Наконец, австрийцы добавили крупу по русской норме и по одному крейцеру в день на человека. Только тогда Андрей Григорьевич приказал войскам вступить в Австрию. Опытный 60-летний генерал, участвовавший в Семилетней войне, в сражениях с поляками, воевавший с турками в Черногории и Крыму, никогда не забывал о нуждах простых солдат, за что пользовался их уважением. К нему благоволил император Павел, с почтением относился сам Суворов.

13 октября егеря Багратиона первыми перешли Буг и в авангарде корпуса по бывшим польским землям двинулись на юго-запад. Осенняя распутица и наступившая холодная беснежная зима мешали быстрому продвижению, но к декабрю были пройдены Люблин и Краков и войска вошли на старые австрийские территории. Местные жители гостеприимно встречали русских. Словаки и немногочисленные в этих краях русины угощали солдат, дарили тёплые вещи, даже предлагали деньги, но их было запрещено брать. Оказалось, что русины, большая часть которых живёт восточнее, в предгорьях Карпат, одной веры с нами, их язык понятен, сами себя называют русскими, они искренне рады и с удовольствием общаются, делятся табаком, приглашают в свои дома, несут еду, хотя сами и небогаты. Также как и на Руси-матушке горбятся на помещиков, в основном, немцев и мадьяр, правда, времени на уход за своим наделом даётся больше.

Солдаты уважительно дивились на чистые белённые, хотя и с земляными полами, дома, на красиво расшитые праздничные одежды женщин и мужчин, особенно, овчинные безрукавки. С сочувствием относились к мужикам, носящим узкие белые штаны, больше похожие на исподнее. Сами носили подобные, будь они неладны, и знали, сколько трудов стоило их не замарать.

Офицеры роты егерей, в которой служил прапорщик Данилов, на ночлег разместились в доме местного православного священника. Батюшка буквально затащил смущавшихся русских к себе, суетился, не по чину помогая стаскивать задубевшие от мороза полушубки. Улыбчивая попадья хлопотала у печи, где выпекался хлеб, от одного духа которого начинала кружиться голова. Одновременно она давала указания денщикам, носившим дрова и воду, достававшим из подвала разную снедь и выставившим её на стол. Отслужив вечернюю, прибежал батюшка и пригласил офицеров отужинать. На столе дымились куски варёной баранины, красовался запечённый карп, пускала скупую слезу нежная ветчина, в тарелках лежали виноград, засахаренные груши, моченные яблоки, стояли жбаны с пивом и вином. После стакана – второго сладкого токайского и сытной еды, развязались языки и потекла неспешная беседа. Разомлевший в тепле Александр с трудом боролся со сном. Как из тумана до него доносился голос священника:

– Знаете ли вы, господа, что из нашего края пошёл Русский народ? Тысячи лет назад, когда ещё никто и не слыхивал о немцах, не говоря уже о мадьярах, здесь, окружённое непроходимыми лесами и горами, процветало племя славян – русских, проповедовал святой Андрей Первозванный. Со временем земли стало не хватать и большая часть народа ушла на восток за Карпаты. Там русские основали ваши Ладогу, Новгород, Киев, Владимир, Галич, Руссу, другие города. Другая, меньшая, часть народа осталась здесь. Выстояли мы и против римлян,

и против германцев, пережили гуннов, не поддались католической вере, которую несли поляки да чехи. Из-за малолюдства и слабости подчинились венгерскому королю, вместе с мадьярами отбивались от батыевого войска, потом от турок. Позднее перешли под руку императоров Священной Римской империи. Обид нам не чинят, обычаи и веру не трогают, но смотрим мы на восток на своих братьев, радуемся и молимся за них..

Александр, читавший по настоянию отца Историю Российскую Татищева, хотел было включиться в разговор, порассуждать о скифах, но не успел. Заснувшего прапорщика подхватил Иван, «дядька», отправленный отцом из деревни вместе с сыном в армию смысленный мужик, и уложил на расстеленный у печки полушубок.

5 декабря уходящего 1798 года 20-тысячный корпус Розенберга прибыл в главный моравский город Брюн (Брно). К русским зачастили австрийские генералы, высшие чиновники, члены императорской семьи. 16 декабря в сопровождении конвоя гвардейских венгерских гусар явился сам император Франц с супругой Марией-Терезией, сыном Иосифом – палатином (вице-королем) венгерским и будущим мужем дочери Павла I цесаревны Александры (ревнивая мамаша Иосифа своими придирками и неприязнью немало сделала, чтобы отравить жизнь его любимой жены). Приехал и посол России граф Разумовский, уже до предела намучившийся с австрийскими переговорщиками, которые вели себя так, будто не русские идут спасать их империю, а они сами делают какое-то одолжение.

Для Франца Розенберг провёл показательные манёвры. Император, наблюдая, как егеря Багратиона ловко палят холостыми по атакующим их казакам, а те, в свою очередь, одним махом потом берут батарею, был восхищён действиями русских войск, бодрым видом и снаряжением солдат. Генералы и штаб-офицеры получили монаршие подарки, Розенберг был одарён табакеркой с брильянтами.

Дальше корпус направился к Дунаю и Новый год встретил в Кремсе. Переправившись на правый берег, из-за начавшейся распутицы русские на три месяца застряли в Санкт-Пельтене и лишь 4 марта снова двинулись в поход. Через горы, не чета Карпатам, разлившиеся реки путь лежал в северную Италию. С каждым днём все сильнее ощущалось дыхание весны. Подножья гор вдруг разом оделись в бело-розовые одежды. Дух от цветущего миндаля, пробудившейся земли и буйного разнотравья дурманил головы, веселил солдатские души. Вроде бы и не было пол тысячи вёрст по разбитым дорогам. Наконец, спустились на равнину и все чаще стали попадаться живописные деревушки, обработанные поля, на которых уже всюду всходила первая зелень. Весь последний век на Апеннингах шли бесконечные войны – лакомый кусок хотели отхватить австрийцы, французы, испанцы, делили земли местные властители. Последними здесь прошли три года назад батальоны генерала Бонапарта.

2 апреля показались крепостные стены древней Вероны, за которыми в обрамлении многочисленных кипарисов и распутившихся дубов-великанов раскинулись кварталы каменных домов под красными черепичными крышами, древнеримский амфитеатр, красовалась высокая башня Ламберти, старинные мосты через уже не бурную Адидже.

Егеря Багратиона расположились в самом центре города рядом с главной площадью – Пьяцца Эрбе. Разбили палатки прямо на улице и в палисадниках домов в тени цветущих магнолий. Божественный аромат перебивал даже запахи армейского лагеря.

Горожане вначале настороженно встретили очередных гостей, но постепенно любопытство взяло верх и скоро места расквартирования русских обступили жители, рассматривали мундиры и оружие, пытались разговаривать, предлагали хлеб и вино. Ватаги юрких мальчишек носились между казаков, опасно стреляли черными глазами на бородатых дедков и безбоязненно теребили посмеивавшихся станичников помоложе – кланчили подержать пику, показать пистолет, потрепать лошадь.

Данилов вместе с другими офицерами направился на площадь посмотреть, как идут приготовления к приезду главнокомандующего. Но там ничто не указывало на предстоящее собы-

тие: сновали экипажи, фланировали бездельники с тросточками, торговки овощами зазывали домохозяек, несколько рабочих занимались ремонтом стен одного из палаццо, не особенно обращая внимания на отпрыгивающих в сторону зазевавшихся прохожих, разбойничьего вида кучер с красной косынкой на голове правил битюгами, перевозившими пустые бочки. В центре площади стояли отбитые накануне австрийцами у французов при Маньяно пушки и зарядные ящики. Несколько австрийских драгунов, весело переговариваясь, поили из фонтана лошадей. Их командир, гордо подбоченясь и выставив вперёд ногу, показывал на базилику и, судя по всему, отчитывал смущенного местного полицейского. Выслушав австрийца, полицейский отошёл к базилике и тесаком стал соскабливать с её стены надпись – «Tutti gli uomini liberi sono fratelli» («Все свободные люди братья»). Публика хмуро наблюдала за исчезновением якобинского лозунга. Наступали новые времена и далеко не все итальянцы были этому рады.

Остаток дня полк после марша приводил себя в порядок. Сам шеф вечером проехал по расположению, придирчиво рассматривая своих солдат. Багратион остался доволен увиденным. Таких молодцов не зазорно показать прославленному полководцу.

Характера упрямого и довольно строптивого, Суворов за свою военную карьеру не ладил со всеми своими начальниками, последовательно: в Польше с Веймарном и Бибиковым, в Валахии и на Днестре с Салтыковым и Каменским, восстановил против себя Румянцева и Потёмкина. Ненавидя чванство и глупость, под маской чудака он позволял себе издевки над придворными вельможами рангом значительно выше его. Лишь покровительство императрицы Екатерины избавляло его от серьезных неприятностей.

Одновременно, хорошо зная армейскую среду и нужды простых солдат, оставаясь требовательным командиром, он с большим уважением и заботой относился к подчиненным, был справедлив и прост в общении, берег людей. Солдаты отвечали искренней любовью, были готовы пойти с ним в огонь и в воду. Были уверены, что «где Суворов – там победа». Не даром австрийцы и англичане настаивали на посылке в Италию именно его. Воинский талант Суворова с плохо скрываемым раздражением ревниво признавал Наполеон.

Ещё в России Суворов узнал о разгроме французами союзной неаполитанской армии, которой командовал австрийский генерал Макк, захвате Неаполя, бегстве королевской семьи на Сицилию. Коалиция лишилась 50 тысяч неплохих солдат, которые, хотя бы могли сковывать часть сил неприятеля. Ситуация осложнилась, но Суворов, нисколько не преуменьшая силу и боевой дух противника, был уверен в успехе. Австрийцы, после закулисных переговоров с французами, которые выдвигали все новые наглые требования, наконец, решились начать активные боевые действия.

Явившись в середине марта в австрийскую столицу, фельдмаршал на вопрос министра венского Кабинета барона Тугута о его планах ведения войны, показал чистый лист бумаги. Терпеливо выслушав пожелания австрийцев и прочитав предложенную ими инструкцию, Суворов оставил их без комментариев, но уже задумал действовать по-своему: решительно, быстро, самому искать врага и бить его по частям, пока он не собрал свои разрозненные армии в один кулак.

Суворов из Вены, после тёплой аудиенции у австрийского императора, 3 апреля прибыл в Верону. Его встретили войска и праздничная толпа горожан. Радостно возбужденные люди впряглись в карету и довели фельдмаршала до резиденции. В полной парадной форме и при всех орденах в роскошном палаццо Эмилио Александр Васильевич принял архиепископа и представителей властей города, а затем Розенберг представил ему своих и австрийских генералов. Знакомясь с военными, Суворов приговаривал известные свои: «Пуля дура, штык молодец», «Голова хвоста не ждёт», «Шаг-аршин, захождение-полтора», «Субординация... Экзерциция» и прочее. Закончил: «Мы пришли бить безбожных, ветреных и сумасбродных французишков. Они воюют колоннами и мы будем их бить колоннами!» Он оживился,

увидев известных ему по прежним компаниям Михаила Милорадовича и Петра Багратиона. На остальных отреагировал :

– Не знаю, помилуй Бог, не встречал. Посмотрим, познакомимся.

С Розенбергом случился известный в истории конфуз. Прямолинейный генерал не понял мудреную просьбу фельдмаршала о выделении ему « двух полчков пехоты и двух полчков казаков ». Ответив, что весь корпус в его распоряжении, Розенберг вызвал недовольство Суворова. Генерал не догадался, что от него требуется всего лишь быстро сформировать авангард армии и не мешкая выступить на поиски неприятеля. Зная манеры фельдмаршала, первым нашёлся Багратион и заявил, порадовав Суворова, что он со своим полком немедленно готов идти вперёд.

Утром следующего дня фельдмаршал явился к егерям. Заметив среди них знакомых офицеров и солдат, он тепло поговорил с ними, вспомнил общие ратные дела. Проходя мимо заставшего навтыжку Данилова, Суворов остановился и, улыбаясь, спросил:

– А, ты, прапорщик, что же пустым стоишь? Где твоя хоругвь?

– Егерям знамён не положено, Ваше высокопревосходительство.

– Ну, да. В бою они вам, ловким, только в обузу. Хотя и жаль.

С удовольствием окинув взглядом ладного молодца и ободряюще подмигнув, Суворов направился к другим егерям.

Получив напутствие обожаемого командира, Багратион в авангарде армии со своими егерями, полком казаков Поздеева и сводным гренадерским батальоном полковника Ломоносова двинулся к занятой французами мощной крепости Брешиа.

На следующий день подошли основные силы австрийцев и обе армии соединились. Суворов охотно пообщался с генералами Меласом и Краем, провел смотр их войскам и остался доволен.

Для усиления отряда Багратиона была сразу выделена австрийская дивизия генерала Отта, который по приказу Суворова как старший начальник принял командование авангардом на себя.

Возглавив объединённую армию, Суворов тактично объяснил австрийским генералам свою методику ведения боевых действий и даже составил для них инструкцию, в которой особенно подчеркивал важность соблюдения субординации, точного исполнения его приказов и быстроты действий. В придачу он направил по несколько русских офицеров в каждый пехотный полк союзников для обучения их солдат нашему штыковому бою. Так что, на марше время даром не теряли.

Войскам союзников (32 тысячи русских и около 80 тысяч австрийцев) в это время в Ломбардии противостояла 55-тысячная т.н. «Итальянская» армия французов под командованием престарелого и неудачливого генерала Шерера. Зная, что в армии его не любят и поднимают на смех, на биваках он прокрадывался между палаток и подслушивал солдатские байки о себе. Вопрос о его скорой отставке витал в воздухе и он с нетерпением ждал приказа Директории.

В центре и на юге полуострова наблюдала за порядком оккупационная «Неаполитанская» армия (34 тысячи человек) генерала Макдональда с контингентами подвластных итальянских республик. Всего же на Апеннинах вместе с гарнизонами городов и многочисленных крепостей французы располагали 117 тысячами солдат. Надо признать, что это были уже не те орлята 1792 года, но при толковом командующем они могли сражаться с любым противником.

За последнее время отношение местного населения, особенно, крестьянства, к французам заметно изменилось. Местные революционеры-республиканцы постепенно уходили в тень. Восторг прошёл и уступил место раздражению. Постоянные поборы, вывоз во Францию исторических и культурных ценностей, открытый грабеж со стороны некоторых республиканских командиров и их безудержное обогащение, вызывавшее брезгливость даже со стороны

своих же солдат, пренебрежение чувствами верующих приводили уже не только к саботажу, но и к вооруженным выступлениям. Иностранцы нахлебники надоели.

Весь юг был охвачен антифранцузским восстанием «лаццарони» (босняков), подстрекаемых англичанами и агентами неаполитанского короля. Генерал Шампионне, а вслед за ним – Макдональд, громили восставших, вместо Неаполитанского королевства была провозглашена Парthenопейская республика, но слухи о Суворове и скором подходе эскадры адмирала Ушакова, постоянное крейсирование вдоль побережья английского флота под командованием Нельсона, вновь возбудили население и бунт, возглавленный богатым и авторитетным в народе кардиналом Фабрицио Руффо, разгорелся с новой силой.

Сильную крепость Брешиа штурмовать не пришлось. Жители сами открыли ворота и впустили союзные войска в город. Французский полуторатысячный гарнизон перешёл в цитадель, но после обстрела австрийской артиллерией, выкинул белый флаг. Первый успех добавил союзникам настроения. Победа была особенно важна для австрийцев, которые после погрома, устроенного им Бонапартом, робели перед французами.

Те же, значительно уступая противнику в численности, не вступая в сражения, откатывались на запад. Практическое отсутствие во французской армии обозов (всего по 2 повозки и одно полевое орудие на батальон) позволяли ей невиданно быстро маневрировать, в том числе, отступать. Угнаться за ней, а, тем более, навязать сражение в этот момент было непросто.

12 апреля казаки с налёта ворвались в Бергамо и заняли этот крупный город, пленив полторы сотни растерявшихся солдат противника. Но главные силы Шерера оставались недосыгаемыми. Суворов стремился настигнуть их, задал темп 28 вёрст за день, но пересеченная местность, множество рек и ручьев, размокшие после ливневых дождей дороги, мешали движению. Кроме этого, тормозили союзники, не привыкшие к быстрым маршам. Суворов гневался на их нерасторопность, написал жесткое письмо Меласу, порицая его за то, что попав под дождь, остановил свои войска на днёвку чтобы обсушиться. «До меня дошли слухи, что пехота промочила ноги... За хорошей погодой гоняются только женщины, шеголи да ленивцы» – писал фельдмаршал. После этого случая Суворов распорядился на марше отделить русские войска от австрийцев.

2. АДДА

15 апреля Данилов впервые понюхал пороха. Армия наступала в направлении реки Адда, где по правому берегу, поджидая подхода остальных сил, заняли оборону три дивизии Шерера. Отряд Багратиона, уже без австрийцев, двигался в авангарде. Впереди на левом берегу Адды замаячил окружённый крепостной стеной город Лекко. Французы встретили отряд перед городом, но были сбиты. Русские ворвались в город и стали продвигаться к центру. Но сопротивление французов становилось все ожесточеннее. Огонь вёлся из каждого дома, все ближайшие улицы и площади были забиты французской пехотой. Казаки повернули коней – уж больно неудобно было им воевать в тесноте города, не развернешься. Егеря и гренадеры отбивались направо и налево, но натиск неприятеля нарастал. Пришлось отходить. За городом с противоположного берега отряд попал под огонь французской батареи. Восстановив порядок, Багратион вновь начал атаку. Но уже множество французских стрелков, в своей манере рассыпавшись густой цепью, из-за камней, деревьев, разных построек в предместье открыли сильный ружейный огонь. Противник оказался крепким орешком и не из робкого десятка.

От возбуждения у Александра подрагивали руки, ноги налились тяжестью. Во время так успешно вначале начатой атаки он отдавал какие-то команды, в городе вместе со взводом отбил от выскочивших из-за угла французских гусаров в расшитых желтыми шнурами красных доломанах, у которых из-под таких же красных шапок торчали косы с вплетенными в них пулями. Одного удалось свалить с лошади и утащить с собой. Теперь он вместе с ещё несколькими пленными сидел под кустом под охраной казака и, как ни в чем ни бывало, набивал трубку.

Поняв состояние прапорщика, унтер Петров протянул Данилову манерку с легким деревенским виноградным вином :

– Хлебните, Ваше благородие, местного кваску, полегчает. По первости всегда колотит, потом привыкнете.

Александр приложился и дрожь постепенно прошла.

К егерям подъехал Багратион. Его глаза горели, струйка крови стекала по щеке, он горячил коня. Ход боя его, видно, немного обескуражил.

– Сейчас на подходе сикурс, – обратился он к солдатам.– Как подойдёт, снова, ребята, двинем на француза. Быстро, орлами, вперёд. Вашего штыка, как видно, он не любит, хотя в этом деле тоже мастер. Но вы все равно сильнее и сраму не имете. Побьем нехристей!

Скоро подошёл батальон гренадер, который, посадив для скорости на телеги, привёл генерал Милорадович. Через час за ним прибыли ещё два батальона гренадер под командованием самого командира дивизии генерала Повало-Швейковского.

Русские несколько раз атаковали и все-таки смяли стрелков. К ним на помощь из Лекко бросился эскадрон гусар, но был окружён. Тех, кто не отдал саблю, в несколько минут перекололи.

С другого берега французы спустили на воду лодки и попытались высадиться в тылу отряда, но Швейковский отбросил их обратно.

Остатки четырёх французских батальонов, защищавших Лекко, после яростной схватки оставили город и, поскольку мост через реку был ещё раньше уничтожен, ушли в горы.

Подошедшие к вечеру в Лекко австрийцы начали восстанавливать переправу. Егеря, оставив город, остановились на ночевку в нескольких верстах от него, готовясь на следующий день со всей армией форсировать Адду, вступить в сражение и прорвать фронт неприятельской армии.

Солдаты делились впечатлениями от боя:

– Обносился француз. Почти у всех порты в заплатках, у иных в дырах тело проглядывает. Словно нищие обтрепались. Но взгляд гордый. Воевать умеет, труса не празднует.

Данилов припомнил французских гренадеров в перестрелке. Один, в меховой шапке с красным султаном, в красивом синем мундире с белыми лацканами, но абсолютно босой, прицеливался из ружья, казалось, прямо в прапорщика. Рядом другой оценивающе поглядывал на сапоги своего убитого товарища.

На Адде союзникам противостояли 3 дивизии (Серрюрье, Гренье и Виктора) и одна бригада – Лабуасьера, всего 28 тысяч солдат. Командовал генерал Моро, сменивший 15 апреля Шерера. Позиции были растянуты по берегу на 50 километров от озера Комо до впадения Адды в реку По.

Суворов располагал вдвое большей армией и решил не мешкая атаковать слабейшего противника. Главный удар должны были нанести австрийцы Меласа в центре у Ваприо и Кассано, где позиции занимали дивизии Гренье и Виктора. Русские войска оставались в предгорьях южнее Лекко на правом фланге союзников. Поддержать австрийцев, как оказалось позднее, весьма кстати, были отправлены три полка казаков Донского атамана Андрияна Карповича Денисова.

В ночь на 16 апреля в центре австрийцы сумели тайно навести понтонный мост и переправились на противоположный берег Адды. У деревни Ваприо разгорелся ожесточенный бой. Обе стороны постоянно получали подкрепления, но с прибытием к месту Моро, воодушевленные французы с новой силой атаковали противника и стали прижимать его к реке. 24-й конноегерский полк практически уничтожил батальон австрийских гренадеров. Французы увлеклась и наступила расплата. В их фланг неожиданно ударили казаки Денисова, разгромили конноегерей, отбросили пехоту, взяли много пленных, в том числе бригадного генерала Бекера.

Чуть южнее, у Кассано, французы несколько часов удерживали Меласа. Но когда австрийцы выставили батарею из 30 орудий, под её прикрытием взяли неповрежденным мост и атаковали городок, французы не выдержали и начали отход. Моро понял, что проиграл и приказал армии отступить.

Во время отступления в окружение к казакам и австрийцев попала почти вся дивизия Сюррерье. Сам генерал, 250 офицеров и около 3 тысяч солдат после недолгого сопротивления при приближении войск Розенберга сдались.

Разбив Моро, Суворов двинулся к столице Ломбардии Милану.

Французский гарнизон без боя очистил город и спешно укрылся за стенами цитадели. 100 пушек грозно смотрели на Милан из её бойниц, 2 тысячи республиканских солдат под развивающимся над башней трехцветным флагом были готовы сражаться до последнего.

Союзная армия вступила в Милан 17 апреля после того, как в город ворвался полк казаков под командой майора Молчанова. Жители тут же стали рубить «Деревья свободы», срывать фригийские колпаки и затирать республиканские лозунги. А на следующий день в Пасхальное Воскресенье фельдмаршал при всех орденах, в парадном австрийском белом мундире, в великолепной карете и в сопровождении конвоя казаков, колонн русской и австрийской пехоты прибыл к знаменитому Миланскому собору Рождества Девы Марии (Дуомо ди Милано), где его встретил приветственной речью архиепископ. Перед воротами величественного, возведённого целиком из белого мрамора прекрасного сооружения, называемого «восьмым чудом Света», архиепископ благословил освободительный поход, возглавляемый русским полководцем. Суворов под раскатистое «ура!» построенных войск и одобрительные возгласы толпы горожан вошёл в храм, где на коленях, истово молясь, отстоял торжественную службу. Миланцы, в течение нескольких лет наблюдавшие полное пренебрежение французов к религии, были приятно удивлены поведением русских и их прославленного главнокомандующего. Северные «варвары» оказались добрыми христианами, почитавшими древние святыни и обычаи. Горожане были изумлены, наблюдая, как русские солдаты крестятся перед каждой бази-

ликой, при встрече друг с другом целуются и обмениваются крашеными в луковой шелухе яйцами. Солдатики не упускали случая поздравить, конечно, и симпатичных миланок. Старались казаки, прозванные итальянцами за бороды капуцинами. Мужья терпели, поскольку их заодно тоже расцеловывали, а сами темпераментные синьоры и синьорины не очень-то и смущались, раз у этих русских есть такая любопытная традиция.

В тот же день Суворов пригласил на обед пленных французских генералов Серрюрье и Фрезье. Александр Васильевич принял их ласково, а потом заставил христосоваться по русскому обычаю и радостно поздравлять окружающих опять же по-русски: " Во истину воскрес!" Генералы были в недоумении, но потом ритуал им понравился, особенно, Серрюрье. Суворов под честное слово не воевать против союзников отпустил обоих во Францию.

Миланская цитадель по приказу Суворова была обложена австрийцами. Среди осадной артиллерии находились и две русские батареи. Особой нужды в штурме не было и с французами начались переговоры о капитуляции. Те сидели тихо как мышки и из-за стен просто наблюдали за происходящим в городе. Оставив осажать цитадель 4,5 тысячи австрийцев, отослав ещё около 35 тысяч их солдат для осады ряда крепостей и очищения от оставленных Моро французских гарнизонов в Мантуе, Пескьере-дель-Гарда, Ферраре и других городах, Суворов 20 апреля с 30-тысячной армией направился к реке По, за которой к юго-западу от Милана между Алессандрией и Валенцей генерал Моро собирал свою разбитую армию, одновременно прикрывая Турин со всем Пьемонтом, подходы к французской границе и Лигурию.

1 мая малочисленная бригада генерала Чубарова из дивизии Розенберга с хода попыталась форсировать По у деревни Бассиньяна. Вначале успех был на стороне русских. Прибывший в армию Великий Князь Константин, горевший желанием поучаствовать в деле, успев укорить Розенберга в трусости, настоял начать переправу до подхода всех сил дивизии. Заняв остров Мугароне на реке, через этот плацдарм все три батальона бригады друг за другом вброд стали выходить на берег, выбили противника из Бассиньяны. Но сразу после этого Моро контратаковал Чубарова превосходящими силами. Заменявший раненого Чубарова Милорадович стойко держался, со знаменем в руках бросался в контратаку, в рукопашной сломал саблю, потерял двух лошадей, но с подходом новых крупных сил французов был вынужден под картечным огнём спешно отступить на остров. Там оказалось, что канат паромы перерезан перевозчиками – французскими доброхотами и переправиться на свой берег невозможно. Быть бы беде, но французы не стали атаковать остров и ограничились пальбой. Это спасло бригаду. Казаки выловили паром, была вновь налажена переправа и ночью русские вернулись на правый берег. Бригада потеряла половину своего состава – 1,2 тысячи человек и 2 орудия. Осечка при Бассиньяне весьма кстати напомнила о силе французов, показала, что легкой прогулки не будет.

Суворов был разъярен происшедшим. Он в приватном разговоре прочитал Константину нотацию и довёл его до слез, после чего тот стал как шелковый, а Розенбергу предписал быстро идти на соединение с главными силами армии, добавив, что за медлительность при исполнении приказа отдаст генерала под суд.

Отряд Багратиона по-прежнему находился в авангарде главных сил армии Суворова. 1 мая он занял город Нови, где через несколько месяцев произойдёт решающее сражение с французами. Сейчас же он остановился в городе, перекрывая пути Моро к Генуе и ожидая дальнейших приказаний главнокомандующего.

Данилов ещё в Санкт-Пельтене купил добротный штуцер, такой же, которыми были вооружены австрийские горные стрелки – тирольские егеря, возил его в обозе и приказал своему Ивану глаз с него не спускать. При случае Александр хотел использовать его в деле. Ведь шпагой и тростью, когда в тебя палят, а ты не можешь ответить тем же, долго не повоюешь.

Иван ворчал:

– На что оно Вам нужно, барин? Из ружья стрелять – это дело солдатское. Да и куда свою тросточку денете? Вы команду должны подавать, а не с ружьём путаться. Одна морока только, пустое...

На просьбу Данилова командир взвода ответил отказом, хотя и согласился, что и не мешало бы офицеров-егерей вместо бесполезных трости и шпажки штуцером вооружить. В бою у самого порой руки чешутся. Но уставы менять – занятие для высших инстанций.

Тем не менее, Александр добыв патронташ и патроны, через несколько дней с рядовыми егерями из своего австрийского штуцера на стрельбище от души разносил щиты и со всеми вместе ходил выковыривать свинец из земляного вала за мишенями. Взводный, вначале нахмурился, но потом с интересом стал наблюдать за своим помощником и подумал, что на всякий случай неплохо сверх штата иметь в строю ещё одного меткого стрелка.

До первого нагоняя от начальства пусть прапорщик таскает игрушку.

Суворов решил, не ввязываясь в бои с войсками Моро, занимавшему весьма выгодные позиции, обойти их с левого фланга и идти к Турину. 4 мая армия выступила, 5-го переправилась на левый берег По и направилась к Турину.

Моро, узнав об этом движении, забеспокоился и направил вслед дивизию Виктора, а также отряд кавалерии в 2 тысячи сабель. У Маренго-Торре ди Гарофоли на переправе через реку Бормида Виктор 5 мая наткнулся на дивизию австрийцев под командованием генерала маркиза де Лузиньяна, оставленную Суворовым в прикрытие армии.

Багратион, находившийся неподалёку, услышав звуки сильной канонады, поспешил на место.

Австрийцам приходилось туго. Пользуясь численным преимуществом, Виктор начал обходить фланги австрийской бригады. Багратион, быстро оценив обстановку, усилил левый фланг двумя полками казаков, гренадерами и мушкетерами, а сам на правом фланге со своими егерями и казаками Молчанова контратаковал обходившую австрийскую пехоту колонну французов.

Егеря, в то время, как австрийские гренадеры отстреливаясь медленно отступали, сразу как обычно рассыпались попарно в цепь и начали поливать огнём французов. Данилов со штуцером на ремне за плечом походил за цепью, а когда егеря стали падать от ответного огня, вышел вперёд. Встав за валун и зарядив ружье, стал выискивать цель.

Французский офицер в треуголке с богатым красным плюмажем с обнаженной саблей метрах в ста открыто расхаживал среди своих стрелков и подавал команды. С третьего выстрела прапорщик попал. Вольтижеры подхватили своего офицера под руки и поволокли в тыл. Пули роем зажужжали вокруг и Данилову пришлось ползком менять позицию. Проклятая трость была забыта у валуна.

Под барабанный бой егеря, примкнув к штуцерам кортики, вместе с австрийскими гренадерами двинулись на французов. Те не выдержали удара и бросились к спасительному мосту. Часть отступающих была прижата к реке и переколота егерями и гренадерами. Казаки Молчанова полностью истребили эскадрон французских гусар. Но большинство французов, все-таки, успели уйти и сожгли за собой мост.

Моро отправил Виктора к Генуе, чтобы поддержать там войска генерала Периньона, окружённого восставшим населением Лигурии, а также захватить проходы в горах для двигавшегося с юга Макдональда. Сам Моро с остальными войсками, отягощёнными обозами с награбленным в Италии добром, пошёл в сторону Турина. Атаковать Суворова без поддержки Макдональда он не помышлял. Поэтому решил ждать его прибытия на безопасном расстоянии от союзников, принимать подкрепления из Франции, маневрировать, прикрывать по мере возможности границу.

Поручив генералу Друо (будущему командующему гвардейской артиллерией Наполеона при Бородине) конвоировать обоз во Францию, Моро остановился примерно в 30 верстах к югу от Турина. Его марш сопровождался постоянными нападениями восставших пьемонтцев, впереди были превосходящие силы противника, от армии почти ничего не осталось. В таких условиях, французский командующий счёл наиболее благоразумным решением отойти к Ривьере и перекрыть пути возможного наступления союзников из Пьемонта по лигурийскому побережью во Францию.

Суворов, лишь примерно представляя, где находится Моро, решил на время оставить в покое остатки его армии и заняться Туринном, где были накоплены огромные запасы вооружения и продовольствия. Выждав несколько дней, когда будут наведены мосты через левый приток По – реку Сезию, 28-тысячная союзная армия в двух колоннах, русской- Розенберга и австрийской – Меласа, 11 мая двинулась к Турину.

При подъезде к городу ночью Суворов с небольшой свитой и конвоем из казаков остановился у какого-то фонтана и на него нашло лирическое настроение. Вдруг он начал рассказывать свитским о великолепных итальянском климате и природе, восхищаться архитектурой, прекрасной лунной ночью и этим самым фонтаном. Французы почувствовали неладное и обрушили на место артиллерийский огонь. Бывший рядом с главнокомандующим атаман Денисов предложил ему отъехать в безопасное место, но Суворов не послушался и продолжал разглагольствовать. Огонь усиливался, летели ядра и куски отбитых ими камней. Тогда Денисов сгрёб Суворова в охапку и бегом отнёс за ближайший дом. Старик сопротивлялся, схватил атамана за волосы, но был вынужден подчиниться. За дерзость Денисова не наказал.

14 мая авангард русской колонны Багратиона охватил город с запада, а австрийцы заняли высоты перед восточной стеной Турина. Начальник французского гарнизона генерал Фиорелла отказался капитулировать. Начался обстрел города. Суворов приказал готовиться к штурму. Но жители, успевшие возненавидеть французов, открыли крепостные ворота и впустили союзников в город. Фиорелла с частью гарнизона успел укрыться в туринской цитадели и начал из артиллерии обстрел городских кварталов в наказание за предательство. Австрийцы уговорили его прекратить огонь, пообещав в свою очередь не атаковать цитадель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.